Егор Гайдар

ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

Егор Гайдар

ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЕВРАЗИЯ»
МОСКВА
1995

ISBN 5-88268-003-4

Егор Тимурович Гайдар
ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

В оформлении использована работа
К.Малевича "Красная конница"

ЭТА небольшая работа была написана очень быстро – в августе – сентябре 1994 года. Но долгой была подготовка к ней.

У меня давно назрела потребность осмыслить конкретные, в том числе и тактические, вопросы нашей сегодняшней политической жизни в более общем контексте как русской, так и мировой истории. Какие существенные проблемы, какие социальные инварианты стоят за быстро меняющейся поверхностью политических явлений? Какие приливы и отливы гонят эти волны и эту пену?

В России сегодня делается не политика, а история, реализуется исторический выбор, который определит жизнь нашу и новых поколений.

Этот выбор можно видеть во всем – в спорах об инфляции и неплатежах, проценте межбанковского кредита и военном бюджете, геополитических интересах России, медицинском страховании, борьбе с коррупцией, политике в

области образования, об антисемитизме, о соглашении с НАТО, об отношениях церкви и государства, в каждом камешке, из которых складывается мозаика современной политики. А корни такого выбора тянутся очень глубоко, проходят через века истории, и не только русской.

В последнее время общепризнанными стали утверждения, что сущность происходящих конфликтов связана с переделом собственности, с приватизацией. Получили права гражданства термины "номенклатурная приватизация", "номенклатурный капитализм". Ясно, что здесь мы приближаемся к самому ядру очень существенных "подспудных" процессов, определяющих то, что видно на поверхности.

Вместе с тем изучение этого круга явлений только начинается. "Номенклатурная приватизация" – не уникальное явление. В определенном смысле перед нами один из основных феноменов мирового социально-политического развития. Корни конфликтов, сотрясающих сегодня наше общество, лежат куда глубже, чем в 1917 году.

Работа над этой книгой помогла мне точнее понять, в чем состоит реальный выбор России сегодня; понять и другое – какие социальные интересы (прежде всего интересы элиты) определяли важнейшие поворотные моменты в русской истории XX века. Если эта работа пробудит собственные размышления читателей, я буду считать, что достиг своей цели.

Я не мог бы написать эту книгу без помощи близких людей и единомышленников, прежде всего моего отца Тимура Аркадиевича Гайдара, а также Л.А.Радзиховского и А.В.Улюкаева. Они прочитали рукопись и сделали ряд важных стимулирующих замечаний, осуществили общее редактирование. Выражаю им глубокую благодарность.

Я посвятил эту работу памяти безвременно умершего Василия Иларионовича Селюнина – не только одного из лучших наших экономистов и публицистов, но и удивительно честного и мужественного политика. Василий Иларионович был настоящим русским человеком, его патриотизм был так естествен, что ему казалось смешно и стыдно вслух об этом говорить. Взгляды, развиваемые в этой книге, как мне кажется, очень близки взглядам Василия Иларионовича на будущее, на перспективы развития нашей страны.

Глава I

Две цивилизации

Запад есть Запад, Восток есть Восток,
не встретиться им никогда.

Р. Киплинг

1

Отшумели горячие споры 1987–1991 годов. Сегодня мы понимаем, что противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии. Эти слова необходимо было выговорить громко, ясно сказать, что с социализмом в России покончено, что наше будущее – на путях рыночной экономики, но ограничиться этим нельзя.

Несомненная правда, что большинство стран с рыночной, капиталистической экономикой (точнее, с элементами такой экономики) пребывает в жалком состоянии, застойной бедности. Они куда беднее, чем Россия, лишь вступающая на рыночный путь, хотя миллионеры там есть (как есть и у нас). Сам по себе отказ от социализма не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, как наивно надеялись многие в 1990 году, веря, что достаточно поменять фетиши и мы в обмен на отказ от "коммунистического первородства"

как-то почти задаром получим "капиталистическую похлебку", обменяем "Капитал" на капитал. Но в странах "третьего мира" людей живет куда больше, чем в странах "первого мира", а из нашего бывшего "второго мира" ворота открыты и туда и туда. Отмечая этот простой факт, критики капитализма,"патриоты", коммунисты и т.д., совершенно правы. Вот только рецепт – что делать, чтобы страна не опустилась до уровня "третьего мира", чтобы по экономическому и социальному развитию Россия прочно заняла место в первом мире, — они выписывают, как говорится, с точностью до наоборот.

Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционная: Восток – Запад. Это одна из главных дихотомий мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века. С тех пор многие страны Востока (в том числе и самого дальнего) стали умело использовать принципы западной социальной системы. И именно эти страны, как известно, добились наибольшего процветания.

Разумеется, я ни в малейшей степени не претендую на попытку описания – в сколь угодно схематичном виде – всемирно-исторического процесса. А.Тойнби выделял 21 цивилизацию в истории человечества, 21 тип общества, из которых под категорию "западное" подпадает лишь 2. Конечно, охарактеризовать (если принять классификацию Тойнби) 19 остальных цивилизаций как восточные невозможно. Те ключевые признаки, системообразующие факторы, кото-

рые я буду использовать ниже, говоря о западных и восточных цивилизациях, имеют более локальный характер. Но если они и неприменимы для объяснения всего многообразия исторических феноменов, то необходимы для определения стратегических путей развития российского общества и государства.

Для нас все еще актуален анализ "азиатского способа производства", данный Марксом, потому что этот анализ, к сожалению, имел слишком близкое отношение к социально-экономическим реалиям нашей страны. Сам Марксов анализ опирался на мощные, идущие с XV века европейские традиции осуждения "восточного деспотизма" и осознания себя в противостоянии с Востоком. "Ключ к восточному небу" Маркс видел в отсутствии там частной собственности. "Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит... производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. ...Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей".

Понятно, что земельная собственность – основа основ всех отношений собственности. Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти при несомненном доминировании последней, властные отношения как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство – часто деспотическое – бюрократии – вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам "третьего мира" даже сегодня. Именно они прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что эта отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться и далее.

Все это имеет глубокие объективные исторические причины.

Всему бесконечно разнообразному неевропейскому Древнему миру и Средневековью чужды четкие гарантии частной собственности и прав граждан, а также подчинение государства обществу. Частную собственность, рынок, государство терпит, но не более. Они всегда под подозрением, под жестким контролем и опекой всевидящего бюрократического аппарата. Поборы, конфискации, ущемление в социальном статусе, ограничение престижного потребления – вот судьба даже богатого частного собственника в восточных деспотиях, если он не связан неразрывно с властью. Именно власть здесь главное, она и ключ к тому, чтобы, когда позволят обсто-

ятельства, поднажиться, и единственно надежная гарантия против конфискации. Потеряешь должность – отнимут состояние. Собственность – вечная добыча власти. А власть вечно занята добыванием для себя собственности, в основном за счет передела уже имеющейся.

Кодексы восточных империй – обычно длинные и подробные перечни обязанностей подданных перед государством, своды административных ограничений их жизненной и хозяйственной деятельности, в которые вкраплены немногочисленные права собственника.

"Сильное государство – слабый народ" – принцип легиста и реформатора Шан Яна – концентрированное воплощение идеала восточных государств.

Но слабый народ сильно мстит государству. Система, когда собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична, имеет несколько важнейших особенностей.

Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной, экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т.е. ликвидным бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело. Что касается главного собственника – чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической, организация сложной экономи-

ческой деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда же и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и, предоставленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, опять, разумеется, за счет ограбления частного сектора.

Во-вторых, крупные переделы собственности становятся практически неизбежными вместе с политическими кризисами, сменами власти, ведь собственность в определенном смысле есть лишь атрибут власти. Получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственность. Если значительной собственностью нельзя завладеть, не занимая сильных властных позиций, то именно запах собственности стимулирует политические катаклизмы. Все новые и новые властные группы и отдельные лидеры готовы штурмовать власть (в том числе и по горам трупов), преследуя не столько политические, государственные цели, сколько цели грубо-меркантильные, прикрытые той или иной формой демагогии.

Отношения собственности становятся такими же нестабильными, как и политические. Власть оказывается привлекательной вдвойне, и как собственно власть, и как единственный надежный источник богатства, комфорта. Политичес-

кие кризисы превращаются в страшные разломы всей социально-имущественной структуры общества. Все это в совокупности опять же не дает обществу развиваться, гоняет его по кругу застойной бедности. А чем беднее общество, тем сильнее стремятся к богатству его лидеры.

В-третьих, само мощное государство на поверку изнутри оказывается слабым, трухлявым. Его разъедают носители государственности – чиновники, не прекращая охоты за собственностью.

Обычная коррупция быстро приводит к формированию значительных состояний. Чиновники интуитивно стараются стабилизировать свое положение, конвертировать свою власть в собственность. Предоставленные за службу наделы наследуются, затем начинают продаваться. Чуть ослабнет власть – назначенный воевода начинает вести себя как независимый князь. Земля, формально государственная, доходы от которой должны обеспечивать государственные нужды, на деле продается и покупается, концентрируется у богатых чиновников.

“Государство – это я” – формула, по которой развивается чиновничья приватизация. Собирать налоги в свой карман, пользоваться государственным имуществом как своим – вот их формула приватизации.

Такая приватизация, естественно, разлагает, ослабляет государство, но отнюдь не меняет его тип. Чиновники и после приватизации остаются чиновниками. Они и не думают “отделяться от государства”, прихватив свою собственность.

Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти.

В рамках такой "перестройки" существующей системы не происходит формирования института настоящей легитимной частной собственности. Происходит лишь дележ разграбленной государственной собственности государственными чиновниками. Выражаясь языком Говорухина, это действительно "великая криминальная революция". Замкнутый круг, в котором вращается восточная цивилизация, не разрывается, начинается новый виток.

Истощенное "государственниками" государство в конце концов рушится. Новый государь – один из соперничающих сановников, или вождь крестьянского восстания, или сосед-завоеватель, или кочевник – вновь восстанавливает эффективность централизованной власти, перераспределяет частные земли, ужесточает контроль за землепользованием. На места покоренных вассалов приходят назначенные начальники. Доходы государства растут. А через пару поколений чиновники вновь начинают приватизировать государственную собственность. Все повторяется.

Конечно, ярче всего такой династический цикл виден в истории Китая. Но его не трудно найти и в Египте, и в государствах Средней и Западной Азии.

Для предпринимателя, частного собственника этот повторяющийся цикл не оставляет надежд. В период укрепления империи он под мощным контролем и подозрением, под вечным риском конфискации. Ослабление империи открывает дорогу хаосу, междоусобицам, разбоям, чужеземным завоеваниям, когда ничего не гарантировано. В период своей мощи восточная деспотия опасна, при ослаблении невыносима.

Само понятие реформ в неевропейской древности неразрывно связано с новым возрождением одряхлевшего в предыдущий период государства, но на старых основаниях: ужесточение контроля за земельной собственностью, повышение эффективности бюрократической машины, нажим на группы, не поглощаемые государством, т.е. на знать, частных собственников.

В истории восточные общества возникли за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом общежитии, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности. Исторически власть первична по отношению к собственности. Само накопление собственности становится возможным во многом благодаря тому, что власть структурирует, организует человеческую общность и ее деятельность. Естественно, что затем отношения собственности начинают размещаться внутри уже сложившейся “матрицы власти”.

Твердо подчиняя собственность власти, восточные общества (не отдельные законы, не династии, а базовая социально-экономическая структура этих обществ) остаются в высокой мере стабильными. Бурные метаморфозы в них начались, пожалуй, лишь в конце XIX–XX веке, в процессе массированного взаимопроникновения разных типов цивилизаций.

2

Западная система отпочковалась от обществ восточного типа во второй трети 1-го тысячелетия до н.э. в Греции. Возникновение же "греческого чуда" скорее уж может считаться загадкой. Известный исследователь Востока Л.Васильев пишет: "Трудно сказать, что явилось причиной архаической революции, которую смело можно уподобить своего рода социальной мутации, ибо во всей истории человечества она была единственной и потому уникальной по характеру и результатам".

Лишь в XIX веке "Запад" и "Восток" по-настоящему встретились. Эта встреча показала преимущества западной системы: экспансия в самых разных формах шла с запада на восток и никогда в обратном направлении (пока Япония и другие восточные драконы не ассимилировали западную систему так успешно, что смогли вступить с ней в конкуренцию).

В чем же главный смысл "западной мутации"? О нем мы можем судить хотя бы по позднейшей рефлексии западных исследователей, с изумлением констатировавших отсутствие на Востоке

такого краеугольного элемента западной системы, как разработанное понятие свободной от государства частной собственности, прежде всего земельной. Значит, главное в "греческой мутации" то, что отделило ее от восточной прародительницы, – изменение отношений собственности, возникновение развитой системы частной собственности, легитимной юридически и социально-психологически, все более независимой от государства. Частная собственность действительно как частная, а не как один из атрибутов власти. Позже, уже стоя на этой базе, считая эти отношения самоочевидными, можно удивляться их слабой представленности в восточных обществах. Л.Васильев отмечает: "Одно несомненно: главным итогом трансформации структуры (традиционных обществ в античной Греции. – *Е.Г.*) был выход на передний план почти неизвестных или по крайней мере слаборазвитых в то время во всем остальном мире частнособственнических отношений, особенно в сочетании с господством частного товарного производства, ориентированного преимущественно на рынок, с эксплуатацией частных рабов (т.е. рабов, принадлежащих не государству, а частным лицам. – *Е.Г.*) при отсутствии сильной централизованной власти и при самоуправлении общины, города-государства (полиса). После реформ Солона (начало VI в. до н.э.) в античной Греции возникла структура, опирающаяся на частную собственность, чего не было более нигде в мире".

В результате постепенно сложилась *система, где само государство — не повелитель, а инструмент в руках полиса*. Права гражданина, не подлежащие сомнению, – аксиома. Разумеется, и Греция, и Рим видели немало тиранов, насилия, произвольных конфискаций, но все это уже как волны над мощным водяным пластом укоренившихся частноправовых отношений. То, что в восточном мире — естественное право, обязанность власти, здесь – неслыханная тирания и произвол.

Даже когда Римская империя погибла от рук варваров-завоевателей, смешавших всю систему сложившихся отношений собственности, частного права, разрушивших развитые социальные, административные институты, принесших на остриях своих мечей традиционно восточные социальные установления, античное социальное наследие не исчезло бесследно, а сохранилось (хотя бы в виде ментальной традиции) и затем медленно, упорно модифицировало феодальные установления, право, усиливало процессы приватизации, обеспечивая их идеологическую базу.

Феодальная система, сформировавшаяся в Европе на обломках античной империи, в отличие от нее ничем уникальным в мировой социальной практике не была. Тенденция к феодализации при ослаблении централизованной власти – хорошо известная черта древних государств. Если мощной централизованной бюрократии не существует, земли дробятся на уделы воинами. Последние стремятся превратить условные вла-

дения в полные. Традиция им в этом помогает. Назначенные управлять областями князья обретают независимость; право наследования. Община рядом с замком рыцаря имеет защиту от разбойников. Он скорее поможет, чем далекий король со своей армией.

Частной собственности на землю в римском или современном смысле этого слова в Средние века нет и быть не может. Землю считают своей, имеют на нее пересекающиеся права и король, и граф, и рыцарь, и община, и крестьяне. Похожие структуры можно найти и в Китае периодов Чуньцю и Троецарствия, и в Японии при Фудзиварах, и во многих других регионах и эпохах.

Что здесь действительно выделяет Европу, так это многовековая стабильность феодальной системы, а также многовековая "слабость" (гибкость) государственной власти.

С X века, после того как в Западной Европе улеглась последняя крупная волна смуты и перемещений, связанная с завоеваниями венгров, арабов и викингов, на протяжении столетий здесь были раздробленное государство и устойчивые феодальные отношения. Проносились династические войны, сшибались отряды королей и феодальных баронов, но это были не глобальные потрясения, они не рвали из социальной почвы корни, срезались только верхушки. Побежденных не вырезали под корень, не уводили в плен. Войны не требовали максимального напряжения всех сил общества, его полного подчинения государству ради выживания нации, не

требовали концентрации в руках короны прав земельной собственности.

Обобщая, можно сказать, что политические потрясения на Западе в значительно меньшей степени вели к глобальным сменам целых слоев собственников, к все новым перекраиваниям собственности, чем на Востоке.

Одна феодальная семья нередко распоряжается одними и теми же землями и в X, и в XV веках. Феодал XIII века по своей психологии и поведению уже не разбойник, не едва севший на землю рэкетир IX века. Его семья веками связана с крестьянами совместной жизнью, укоренившимися привычками, обычаями, регламентирующими нормы крестьянских обязанностей, их права. Как отмечал Джон Стюарт Милль, “обычай – самый могущественный защитник слабых от сильных”. Так складывается основа общества – чувство легитимности (нелегитимности) тех или иных действий человека и государства. Легитимность наполняет воздухом писаные законы, делает их не бумажными, а живыми и соответственно превращает нарушение закона в дело морально трудное и небезопасное. Не будь легитимности, общество действительно стало бы ареной войны против всех.

Отношения частной собственности в Европе оставались легитимными при всех потрясениях. Обычай не только хранитель старого, но и механизм трансформации земельных отношений. Если обязанности крестьян четко определены, то почему, когда с постепенным восстановлени-

ем торговли европейская экономика теряет чисто натуральный характер, не заменить натуральные выплаты и отработки деньгами? Государство не перераспределяет земли между феодалами. Претензии короны на роль верховного собственника земли вне королевского, частного домена со временем обесцениваются. Привычно разделены земли манора[1] на те, которыми распоряжаются крестьяне, и собственно сеньоральные. И там и там постепенно формируются традиции денежной аренды, удлиняются ее сроки. Общинная земельная собственность шаг за шагом отступает перед частной. Отношения "лорд – слуга" уступают место отношениям "землевладелец – арендатор".

Уже в XIII веке в Англии фримены получают право продажи земли без согласия лорда. Обычай укореняется, на смену смешанному, феодальному праву на землю медленно идет частная земельная собственность.

Именно невсесильное европейское феодальное государство – источник формирующейся вне его, рядом с ним сложной, дифференцированной структуры гражданского общества европейского Средневековья. Церковь не подчинена государству, ее мощные иерархические организации, уцелевшие с римских времен, существуют рядом с ним, создавая альтернативные каналы

[1] Феодальная вотчина в средневековой Англии. Сложилась в XI–XII веках.

социального продвижения, ограничивая произвол монарха.

Торговые города возникают под покровительством монарха или синьора, под защитой укрепленных пунктов, но быстро обретают собственную жизнь, иерархию, развитое самоуправление. Они во многом не похожи на находящиеся под жестким присмотром государства современные им города Востока.

В свое время через слой варварских обычаев проступали прикрытые, но не уничтоженные институты античности: римское право, частная собственность, гражданские права и свободы. Феодальное общество открывает их заново, когда в своей многовековой эволюции создает для них социальную базу.

Власть и собственность дифференцируются, расходятся, теряют свою неразрывность. Освященная традицией собственность уже не конфискуется по произволу, просто потому, что хозяин не занимает видного места в системе власти. Да и бурное развитие сферы частнопредпринимательской деятельности, в первую очередь торговли, дает иные, чем близость к власти, источники обогащения. Созданные развитые рынки дают дополнительные гарантии против злоупотреблений властью, конфискаций. На отток капитала как на ограничитель произвола обращал внимание еще Ш.Монтескье.

Обычай отделять собственность от места в структуре власти прокладывает дорогу усложнению социальной структуры, множественности

иерархий, не поглощаемых государством. Как самостоятельные, но взаимосвязанные силы действуют само государство, наследственная аристократия, иерархия землепользователей, города и буржуазия, церковь. Именно в этой ситуации возникают предпосылки накопления наследственного богатства, формирования частных капиталов для развития.

“Общество принимало предшествующие капитализму явления тогда, когда, будучи тем или иным образом иерархизировано, оно благоприятствовало долговечности генетических линий и того постоянного накопления, без которого ничего не стало бы возможным. Нужно было, чтобы наследства передавались, чтобы наследуемые имущества увеличивались; чтобы свободно заключались выгодные союзы; чтобы общество разделилось на группы, из которых какие-то будут господствующими или потенциально господствующими; чтобы оно было ступенчатым, где социальное возвышение было бы если не легким, то по крайней мере возможным. Все это предполагало долгое, очень долгое предварительное вызревание” (Ф.Бродель).

Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства – твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения.

3

Для нас особенно важно понять, какой была роль феодального государства в генезисе европейского капитализма.

Здесь можно выделить несколько моментов. Уже говорилось, что слабое государство – основа европейского социально-экономического прогресса. Но разве не государство должно гарантировать именно сохранение традиций, возможность мирного накопления из поколения в поколение? Разве не государство – гарант того, что не будет насильственного перераспределения собственности? Разве не государство – защитник как от внешних грабителей-завоевателей, так и от "своих" феодалов?

Как же возможно решение всех этих жизненно важных для общества задач без сверхмощного государства? А к какой национальной катастрофе ведет слабое государство, хорошо видно на примере Речи Посполитой.

История ответила на этот вопрос. На Востоке государство "защищало" общество, превратив его в свою часть, а точнее, просто не дав ему развиться, накрыв, зажав, придавив его своим панцирем.

В Европе, где вопрос о физическом выживании этносов все-таки не стоял, сложилась уникальная ситуация – развитие общества стало обгонять развитие государства. Возникла элита (в том числе наследственная), ощущавшая свою независимость от государства, бывшая фундаментальной частью социальной системы, а не

шестеренкой государственной машины. Да, сильное, жесткое государство теоретически дает гарантию защиты прав собственности, защиты от других государств, от феодалов и т.д. Но платить за это приходится непомерно большую цену, ведь государство слишком сильный защитник. И оно не защищает собственника от самого страшного врага, наиболее могущественного, всепроникающего, — от самого государства.

Общество должно было накопить сил для того, чтобы безбоязненно принять такого "защитника", как сильное государство. Общество с традициями (в том числе правовыми), с развитой социальной дифференциацией, с глубоко укоренившимся убеждением в независимости человека и его собственности от воли государства с институтами, защищающими эту независимость, такое общество было внутренне готово не сломаться под тяжелой рукой государства, а, наоборот, использовать в интересах своего развития силу государственной машины. Если государство, и только государство, делает собственность легитимной (дает ей законность, правовые основания), рынка не будет. Если легитимность собственности не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом.

В появлении сильных государств там, где общество было к этому подготовлено, нет чуда предустановленной гармонии. Развитие общества, формирование рынка давали толчок интег-

рации наций, разрушали рыхлую феодальную структуру. Национальные государства вызревали из общества, а не надстраивались над ним, как гигантский идол. Так было в Англии и Франции в XVI–XVII, в Пруссии – в XVII–XVIII веках.

Экономическая политика европейских государств всегда была достаточно активной, в редких случаях сводилась к чисто фискальным функциям. В каком-то смысле "государственный капитализм" характерен на Западе не столько для XX, сколько для XVII–XVIII веков, когда господствовала политика государственного меркантилизма, способствовавшая первоначальному накоплению, ведь государство вело активную торговую и колониальную политику (вплоть до войн), принимало непосредственное участие в создании Ост-Индских и Вест-Индских компаний в Англии и Франции, в строительстве флота (а в XIX веке – железных дорог), в становлении военной промышленности и т.д.

Но все эти государственные усилия шли не "поперек", а "вдоль" естественной линии развития, задававшейся рынком. Все эти усилия государства развертывались на заранее четко очерченном поле легитимной частной собственности, свободного рынка (хотя и ограниченного в ряде случаев протекционистскими тарифами), разделения власти и собственности. Не входя "внутрь" частных владений, в пределах этих рамок государство работало на усиление капитализма, на его развитие, а не на подавление. Гибко приспосабливаясь к характеру рыночных от-

ношений, европейские государства уменьшили степень своего влияния на экономику в XIX веке, когда частный капитал уже накопил достаточно сил для саморазвития.

Европейским западным обществам удалось найти самое эффективное в известной нам истории человечества решение главной задачи: оптимального соединения традиций и развития.

На Востоке реализуется ригидность и жесткость системы, которая кроваво ломается и восстанавливается в прежнем виде. На Западе – рост на базе традиций, рост, снимающий противоречия, позволяющий суммировать и материальные, и духовные итоги жизни предыдущих поколений.

Это не апологетика. Не стоит выдавать успех за некую абсолютную истину. Потрясений и кризисов хватало и хватает и в западных обществах, развитие продолжается, возможно, мы не видим за поворотом новые бури, которые их ждут. Буржуазно-демократическая система включает множество очевидных недостатков, несправедливостей и во всяком случае не является "конечным выводом мудрости земной", каким-то "хэппиэндом" человеческой истории. Капитализм, безусловно, не является воплощением "абсолютной идеи" всемирной истории. Вероятно, по мере интеграции человечества разовьются путем конфликтов и борьбы новые формы общества, новые межгосударственные, мировые формы общежития. О буржуазной демократии прекрасно сказано, что это самая худшая форма правления...

не считая всех остальных. Что же, действительно среди цивилизаций, функционирующих в последние века на исторической сцене, западная оказалась наиболее эффективной.

Наиболее опасный вызов, с которым столкнулся европейский капитализм в своем развитии, шел изнутри его. Он был связан с медленно накапливавшимися изменениями в XVIII–XIX веках, которые под влиянием технических открытий и социально-политических перемен внезапно резко ускорились. И непривычно бурный прогресс нес в себе немалые опасности. Казалось, что европейский корабль сорвался с ясного курса, попал в шторм, что европейская история завертелась в гибельной "диалектической" ловушке. Об этом с грозным, "мефистофельским" торжеством писал Маркс: "...современное буржуазное общество, создавшее, как бы по волшебству, столь могущественные средства производства, походит на волшебника, который не в силах справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями". И далее еще более грозно, торжественно, диалектично: "Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, она породила и людей, которые будут сражаться этим оружием, – современных рабочих, пролетариев".

Как известно, Маркс проанализировал ситуацию с точностью до наоборот. Он считал, что буржуазные производственные отношения отстают от производительных сил. В действительности же бури, которые трясли Европу добрых 100 лет – с 1848 до 1945 г., – которые назывались

"социализм", "коммунизм", "фашизм", "нацизм" и действительно угрожали несколько раз вырвать с корнем дерево европейской цивилизации, – эти бури имели совсем иную природу.

4

Урбанизация, слом традиций привычного образа жизни дают основания для революции "надежд", резкого роста притязаний все еще бедных низших классов. С падением сословных перегородок идея всеобщего равенства овладевает массами и становится материальной силой – силой тарана. Довлеет она не столько над пролетариями, сколько над "растиньяками" – молодыми честолюбивыми маргиналами, не видящими для себя возможности занять "причитающееся" им высокое положение, мирно карабкаясь вверх по общественной лестнице. Остается другое – швырнуть эту лестницу оземь и попинать ногами. "Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем". Право, не знаю, что тут пролетарского! Откровенный гимн юных честолюбцев. Не случайно все вожди наиболее крупных разрушительно-революционных движений были как раз типичными представителями бесприютной интеллигенции, не находящими себе достойного места под солнцем, будь то Маркс, Бакунин, Ленин, Троцкий, Муссолини, Сталин или Гитлер. Конечно, я далек от того, чтобы приравнивать крупнейшего мыслителя и блестящего публициста Маркса к уголовнику Джугашвили или параноику-маньяку Шикль-

груберу. Но общее в одном – в принадлежности к маргинально-интеллигентской среде, хотя и к совершенно разным ее уровням.

Г.Уэллс, например, прямо писал, что он не сочувствует марксистской теории, которую считал "скучнейшей", и собирается когда-нибудь вооружиться бритвой и ножницами и написать "Обритие бороды Карла Маркса", но симпатизирует марксистам, из которых мало кто прочитал весь "Капитал". "Во всем мире это учение и пророчество с исключительной силой захватывает молодых людей, в особенности энергичных и впечатлительных, которые не смогли получить достаточного образования, не имеют средств и обречены нашей экономической системой на безнадежное наемное рабство. Они испытывают на себе социальную несправедливость, тупое бездушие и безмерную грубость нашего строя, они сознают, что их унижают и приносят в жертву, и поэтому стремятся разрушить этот строй и освободиться от его тисков... В 14 лет, задолго до того, как я услыхал о Марксе, я был законченным марксистом. Мне пришлось внезапно бросить учиться и начать жизнь, полную утомительной и нудной работы в ненавистном магазине. За эти долгие часы я так уставал, что не мог и мечтать о самообразовании. Я поджег бы этот магазин, если бы не знал, что он хорошо застрахован".

Быстрорастущие производственные возможности, кажущиеся неисчерпаемыми, и на их фоне сохранение бедности, рост социального

неравенства, противопоставление четкой организации производства на фабрике видимому хаосу рыночных механизмов, оборачивающемуся безработицей, кризисами перепроизводства, — все это естественная питательная среда распространения радикальной антикапиталистической идеологии, связывающей все беды современного общества с частной собственностью и рынком, а надежды на светлое будущее – с их устранением, "обобществлением" производства. Именно к этим кажущимся очевидными фактам апеллирует и наиболее развитая, законченная, интеллектуально привлекательная форма антикапиталистической идеологии – марксизм, дающий своим сторонникам целостную картину мира, нравственное мессианство светской религии и убедительность рационализма.

Итак, европейский кризис – это кризис технического прогресса, обогнавшего традиции, кризис надежд, кризис слишком больших ожиданий, на фоне которых "вдруг" невыносимыми становятся, казалось бы, привычные неравенство, бедность. Это кризис не рыночных производственных отношений, как думал Маркс, а их легитимности. Это острое покушение на легитимность.

Кризис капитализма был слабее всего выражен в его цитадели – в Англии. Казалось бы, там-то кризис производственных отношений – именно вследствие их наибольшего развития – должен был достичь максимума. Однако случилось про-

тивоположное. Кризис буржуазного сознания в викторианской и поствикторианской Англии Форсайтов оказался самым слабым именно потому, что в сознании англичан были глубже, чем на континенте, укоренены идеи свободы личности и неприкосновенности частной собственности.

Но как бы то ни было, становой хребет европейской цивилизации – пронесенное через века, воспитанное веками убеждение в легитимности частной собственности ("священное право частной собственности") — внезапно подвергается яростной интеллектуальной и эмоциональной критике со стороны людей, которые с "пагубной самонадеянностью" (название книги Ф.Хайека) собираются по ими изготовленным лекалам строить "новое общество". Традиционное иерархизированное частнособственническое общество кажется обостренно несправедливым. Соответственно легитимной оказывается зависть, которая вдруг превращается в "благородное негодование", которое заканчивается апологией равенства, возможностью использовать "хирургические" решения в целях перераспределения богатства. Для реакционеров этот процесс иногда сопровождается переводом с "главного", марксистского в "боковое", расистско-шовинистическое русло (ограбить не всех богачей, а только "неарийцев").

6

Как же ответил Запад на вызов марксизма? "Ирония истории" (о которой так любил гово-

рить гегельянец Маркс) показала, что она универсальна и любимчиков не имеет, повернувшись своим острием против самого Маркса. Его теория в итоге оказалась для Запада не цианистым калием, а прививкой, предупредившей действительно смертельную болезнь.

Не механическое подавление марксистской оппозиции, а ее ассимиляция (подчас под аккомпанемент антимарксистской риторики) – таков был реальный ответ капиталистического общества. Ассимиляция, конечно, была болезненной. В конце XIX – начале XX века Запад пережил мучительную мутацию, но вышел из нее живым и здоровым. "Закат Европы", о котором так много говорили фашисты и коммунисты (а также свободные европейские интеллектуалы), не состоялся.

Два мыслителя сыграли выдающуюся роль в отражении революционного вызова Маркса – Эд.Бернштейн и лорд Дж.М.Кейнс.

Бернштейн в книге "Проблемы социализма и задачи социал-демократии" (1899) изложил теорию социал-реформизма, куда более опасную для ортодоксального марксизма, чем "исключительный закон против социалистов", действовавший в Германии в конце прошлого века. Бернштейн противопоставил революции и насилию социальный компромисс, с помощью которого можно смягчить самые острые и несправедливые противоречия в демократическом обществе. Это выражено в его знаменитом лозунге-афоризме, который помог выпустить без взрыва весь марк-

систский пар: “Конечная цель – ничто, движение – все”.

С конца XIX века нарастает тенденция социализации капитализма. Сословные перегородки были сломаны (на фоне их резкого, истинно феодального усиления в странах “реального социализма”), обеспечено в максимальной степени формальное и фактическое равенство людей перед законом, и все это не ценой революции, а, наоборот, благодаря усилению демократических традиций. Были устранены уродливые формы неравенства. Универсальной нормой стало всеобщее избирательное право. Развитие трудового законодательства обеспечило защиту прав наемных работников. Формируется система пособий по безработице, пенсионного обеспечения, государственных гарантий образования и здравоохранения.

Не менее важными были перемены в экономической политике.

Суть их сформулировал, как известно, Кейнс, с успехом заменив марксистскую революцию кейнсианской эволюцией.

Книга Дж. Кейнса “Общая теория занятости, процента и денег” (1936) появилась, когда мир приходил в себя после “великой депрессии” – самого мощного экономического кризиса в истории капитализма. Кризис этот шел на фоне казавшихся блестящими и неоспоримыми успехов “социалистического планового хозяйства” в СССР и начавшегося подъема “плановой эконо-

мики" (четырехлетний план) нацистской Германии. "Кейнсианская мутация" свободного капитализма заключалась в том, что были предложены и конкретные меры, и экономическая методология, направленная на сокращение безработицы, увеличение платежеспособного спроса, преодоление кризиса при сохранении частной собственности, которая позволяет достичь значительного увеличения эффективности государственного регулирования экономики. Кейнсианство в отличие от марксизма не было пронизано глобально-отрицательным разрушительным пафосом. Это была конкретная реформистская теория с достаточно мощным инструментарием.

С экономической идеологией кейнсианства перекликается "новый курс" президента Ф.Д.Рузвельта. В условиях тяжелейшего кризиса, повальной безработицы американская администрация смогла поступиться принципами классического свободного капитализма – пошла на значительное вмешательство государства в экономическую жизнь. Это во многом помогло спасти ситуацию. "Новый курс" получил права гражданства и в послевоенной Европе.

Сегодня, по прошествии 50–60 лет со времен "нового курса" и расцвета кейнсианства, мы можем точнее понять смысл мутации, которую претерпел классический капитализм в первой половине XX века, превратившись в социальный капитализм.

Предпосылками этой мутации был и духовный

кризис первой мировой войны (кризис легитимности основных капиталистических институтов), и тяжелый экономический кризис, потрясший мир в 1929 году.

"Социализация капитализма" в действительности включает две различные, иногда совпадающие, а иногда и противоположные линии.

Первая линия – социально-политическая: ликвидация любых юридических привилегий богатых слоев общества, всяческое расширение социально-политической роли низкостатусных групп, многочисленные социальные гарантии в области медицины, образования, занятости, пенсионирования и т.д., финансируемые за счет налогов, и сама система прогрессивного налогообложения частных лиц, в том числе налоги с наследства.

Вторая линия – экономическая: активная бюджетная и денежная политика государства и попытка ее использования для управления совокупным спросом, уровнем занятости, а также национализация (на условиях выкупа) целых секторов экономики.

Сейчас можно достаточно уверенно сказать: главный итог социализации капитализма в экономике заключается в том, что удалось спасти западное общество, сохранив его неизменным в важнейших, системообразующих аспектах: легитимная частная собственность, рынок, разделение собственности и власти; удалось сохранить традиции, не рассечь их скальпелем лево-правого

экстремизма. В самые опасные 30-е годы, используя руль “нового курса”, удалось благополучно провести “западный автомобиль” между обрывами коммунизма и национального социализма. “Полумарксизм” на западной почве оказался защитой от настоящего марксизма, реформизм защитил от революции и тоталитаризма.

Коль скоро рынок был сохранен, легитимность частной собственности устояла, в дело вступили защитные механизмы саморазвивающейся экономики.

Государственное регулирование и социальный реформизм позволяют избежать взрыва низов, но сами по себе они не ведут к экономическому прогрессу. Напротив, следствия долгого и последовательного проведения такой политики известны – блокировка экономического роста, бюджетный кризис, рост инфляции, сокращение частных и низкая эффективность государственных инвестиций, бегство капитала, в конечном счете застой и рост безработицы, т.е. именно то, против чего была направлена кейнсианская политика.

Поэтому с 70-х годов маятник экономической политики на Западе пошел в противоположную сторону. Начался возврат к традиционным ценностям либерализма, свободного рынка. Одним из выражений этого стала экономическая теория монетаризма – законная наследница классического либерализма. Политическую поддержку она получила с приходом к власти политиков “консервативной волны” в конце 70-х – начале 80-х

годов, прежде всего М.Тэтчер, Р.Рейгана. Была проведена массированная приватизация национализированных предприятий, началось решительное наступление на инфляцию – родную сестру избыточного вмешательства государства в экономику.

Я не собираюсь вдаваться в детали, но ни один здравомыслящий политик не будет игнорировать чужой опыт, как ни один и не станет его механически копировать, чтобы получить “зачет” в Чикаго. Обвинения, которые нам предъявляли в свое время, что мы вместо марксистской догмы хотим строить государство по догме монетаристской, – заведомая демагогия. Помню, как в свое время на съезде народных депутатов Р.И.Хасбулатов попытался затеять со мной публичную дискуссию. Вот, мол, существуют разные концепции рынка – социально ориентированное государство с высокими налогами (“шведская модель”) и классически капиталистическое, либеральное (американская модель). Он, Хасбулатов, — сторонник первой, Гайдар – последней. И пусть депутаты (голосованием, по-видимому!) и выбирают между этими моделями путь развития для России.

Все это в интеллектуальном плане смешно, в моральном – постыдно. Не говоря уже о высокой степени безграмотности такого противопоставления (скажем, “социальная” германская экономика в денежной области куда строже следует традициям монетаризма, чем экономика

США), очень смешно (если бы не было грустно и стыдно) вообще всерьез обсуждать эту тему.

И кейнсианцы, и монетаристы, и социально ориентированное государство, и "классическое рыночное", и либерально-консервативные и социал-демократические правительства на Западе – все это относится к одной глобальной традиции, которую они сумели сохранить, — к социально-экономическому пространству западного общества, основанного в любом случае на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т.д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем – вот наша задача. Тогда и поспорим о разных моделях.

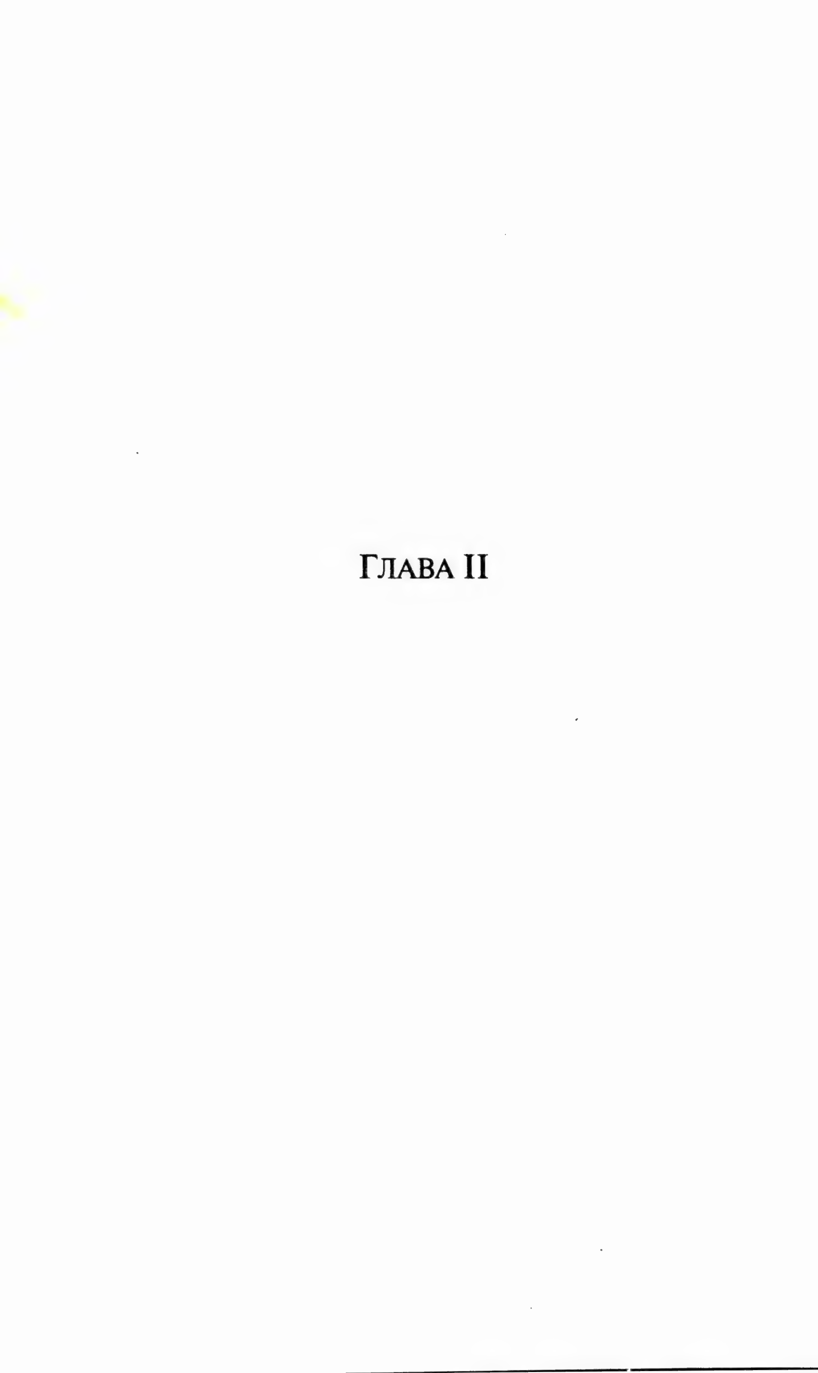
Реальная альтернатива у нашей страны сегодня совершенно другая.

Капитализм кануна XXI века отделяют 100–150 насыщенных лет от капитализма "классического". Именно в этот новый капитализм нам предстоит входить, а вот в какой роли, это уже зависит от нас, от той политики, которая будет проводиться в России.

Речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого вмешательства, т.е. о том – и это главное, – что будет представлять из себя государство. До тех пор пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о вмешательстве. Не "вмешательство", а полное подавление – вот на что запрограммировано государство такого типа. Ре-

зультат известен – экономическая стагнация, эволюция России в направлении ядерной державы “третьего мира”. Вот именно против превращения нашей экономики – на новом уровне – в экономику, описываемую как “восточный способ производства”, в экономику “восточного государства”[1] мы категорически возражаем, боремся.

[1] Еще раз подчеркиваю, что восточный, азиатский, западный и европейский здесь употребляются не в географическом, тем более не в расовом, а только в политико-экономическом смысле. Скажем, Япония может считаться западной, а Куба или Гаити - восточными.

Глава II

Особый путь догоняющей цивилизации[1]

Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас,
Монголов и Европы!

А.Блок

Противостояние "восточных" и "западных" обществ прошло сквозь всю историю величайшей в мире евразийской империи – России.

Фактически Россия "ворвалась в Азию", в Сибирь лишь в XVI веке. Но Азия ворвалась в Россию и обосновалась в ней на 300 лет раньше. Причина ясна: наша страна всегда занимала

---

[1] Понятие "догоняющая" не относится к русской культуре. Европейская культура, особенно с конца XIX и в течение всего XX века, испытывает мощнейшее и плодотворное влияние великой и самобытной русской литературы, театра, музыки, живописи и т.д. Вероятно, одной из сильных сторон русской культуры как раз и является содержащийся в ней западно-восточный дуализм, внутренний диалог культур. Для культуры внутренняя оппозиция "восток–запад" оказывается важной чертой, расширяющей пространство культуры, дающей новые обертоны. И совсем другое дело – политика и экономика, формы государственного устройства и хозяйственной деятельности. Здесь Россия безусловно веками находилась в положении "догоняющей цивилизации".

"срединное" положение между Западом и Востоком и, увы, чаще в роли "щита", чем в роли "моста". "Особость" нашей страны, как известно, определялась множеством факторов: расколом единой христианской церкви на западную (католичество) и восточную (православие) с сильным византийским влиянием, огромными расстояниями, малой плотностью населения и плохими коммуникациями, территориальным отрывом от Западной Европы. Главную же, определяющую роль, очевидно, играло соседство кочевников.

Здесь не место обсуждать богатую внутреннюю историю степи. Для социально-экономического развития России принципиально важна лишь одна ее сторона – регулярные столкновения кочевников и земледельческих восточных империй. Кочевник – хищник Средневекового и Древнего мира. Как полярный волк на заболевшего оленя, бросается он на ослабленную внутренними раздорами и противоречиями, процессом чиновничей приватизации восточную империю, нередко подводя черту династическому циклу. Государства Западной Азии с их развитой торговлей, относительной близостью социальных институтов к европейским степные завоеватели регулярно стирали с лица земли. И ведь каждое такое завоевание – это не только разграбление городов и разрушение ирригационных систем, это и упразднение социальных структур, традиций собственности, это переделы земли, имущества.

Европейский “остров” омывался восточным “океаном” с трех сторон: Русь граничила со Степью, Ордой, Австрия – с Османской империей, Испания – с маврами. И во всех трех государствах опасное соседство привело к сходным результатам: усилению государства -“щита”, бюрократии, замедлению развития. Но в силу особо экстремальной ситуации, а также в силу перечисленных выше факторов особенно дорогую цену пришлось заплатить России. Огромная масса Степи во многом определила траекторию русской истории, социальную структуру Московского царства. Подавляющее большинство российских мыслителей считали и монгольское нашествие, и укоренившийся после него “азиатский дух” бюрократии, “ханское самодержавие”, несчастьем России (“И вот, наглотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назовете”, – со злой иронией писал А.К.Толстой). Надо только сразу сказать, что и те, кто считал “татарщину” главной бедой России, никогда не связывали это ни с какими собственно национальными проблемами, никакой “татарофобии” в России никогда не было.

Но какие бы эмоции мы ни испытывали, куда важнее объективный факт. Там, где встретились восточное и западное общества, были мощно представлены обе социальные структуры, но если в культурном и идеологическом отношении превалировало влияние Запада, то экономическая и политическая структуры в значительной мере могли быть отнесены к разряду восточных об-

ществ. Причем влияние это не было прямым, не было и речи о механическом копировании, скажем, татаро-монгольских институтов власти и собственности. Здесь сработала более сложная, в чем-то парадоксальная логика истории.

В самый разгар татаро-монгольского ига, в XIII–XIV веках, Россия в важнейшей сфере – в области земельных отношений – хотя и с отставанием, но повторяет общий путь европейского феодализма (отсылаю читателя к блестящим работам Н.Павлова-Сильванского по этому вопросу). Продолжение этой традиции прослеживается в истории западнорусских княжеств Волыни и Галиции, интегрированных с XIV века в литовско-польский мир с его слабым государством и самовластной шляхтой.

Парадокс истории состоял в том, что Россия заплатила дорогой ценой не столько за татаро-монгольское иго, сколько за его ликвидацию. Именно сверхусилия, связанные с ликвидацией ига, надолго перевели стрелку русской истории на "восточный путь".

У России не оказалось исторического времени, позволяющего превратить куколку раздробленного феодального государства в красивую бабочку. Государства, опирающегося на частную собственность, систему рынков и рожденную ими экономическую мощь, создать не удалось. Борьба со Степью потребовала предельной мобилизации всех сил общества.

При Иване III, Василии III и Иване IV, т.е. когда решающие победы над Ордой были одер-

жаны, происходит резкое укрепление Московского государства за счет подавления городов и бояр. Вместо приватизации поместий – закрепление условного, поместного землевладения. Государство тщательно контролирует перераспределение земли. Москва расправилась с Новгородом, где со времен Ярослава Мудрого неугодные князья изгонялись вечевым решением, где ганзейская торговля и сам дух жизни позволяли во времена татарщины развиваться экономически и вырабатывать критическое отношение к устоявшимся традициям; влиятельных горожан высылали, их дворы отдавали московским людям. Одновременно шло прикрепление крестьян к земле (отмена Юрьева дня, указ Бориса Годунова). Церковь потеряла независимость, стала вконец послушна государственной машине. Не зря Сталин так восхищался Иваном, его привлекала не только садистская жестокость "русского Нерона", но и его государственная программа. Свою "государственную генеалогию" Джугашвили вполне оправданно мог вести от этого Рюриковича, создавшего на свой лад на костях России прообраз тоталитарного государства.

В Московском царстве времен Ивана IV четко прослеживаются черты классической восточной деспотии. Дело не в личной свирепости Грозного – его современник Цезарь Борджиа или несколько раньше Ричард III ничуть не уступали ему по числу преступлений, но их государства не были похожи на восточные деспотии, а Московское царство все больше напоминало

Османскую империю Сулеймана Великолепного или Иран Аббаса I. То же доминирование поместной системы, тот же государственный контроль за перераспределением земли, торговлей, городами, то же полное бесправие подданных, включая приближенных. И главное – отсутствует полноценная частная собственность на землю.

Тогда же началось быстрое расширение государства – Сибирь, Урал и т.д. Но эта территориальная экспансия (последние приращения были сделаны уже в 1945 г.) лишь загоняла Россию в "имперскую ловушку": с каждым новым расширением территории увеличивалось то, что надо охранять, удерживать, осваивать. Это высасывало все соки нечерноземной метрополии. Россия попала в плен, в "колонию", в заложники к военно-имперской системе, которая выступала перед коленопреклонной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань государству, не принимал слишком острых форм, постоянно культивировалось "оборонное сознание" – ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным.

Само государство выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживавшегося культа – государственничества. По сути дела российское государство всегда насаждало един-

ственную религию – нарциссический культ самого себя, культ "священного государства". Так было и в эпоху официального православия, и в эпоху государственного атеизма. Квинтэссенцию этого по сути дела языческого культа власти точно выразил А.И.Солженицын: "Писать "Бог" с большой буквы совершенно необязательно, но "Правительство" надо писать с большой".

Конечно, нельзя впадать в противоположную крайность – по временам угроза самому существованию страны действительно бывала смертельной (Смутное время!). Но верно и то, что не только и не столько для отражения этой угрозы постоянно наращивало силы, постоянно сжимало и подавляло общество сверхмогучее Государство. Оно давно уже жило своими собственными интересами. Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности.

Как верно писал Н.А.Бердяев, "интересы созидания, поддержания и сохранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни... Классы и сословия были слабо развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непомерные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность... выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в

иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее, отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни".

Мощное государство, осуществляя территориальную, социальную и психологическую экспансию, тяжелогруженой подводой проехалось по структурам общества, остановило их развитие, нередко просто уничтожило. Благодатная почва сложно структурированного общества с частной собственностью, гарантией от произвола не сумела сформироваться. Культ государства изуродовал сознание общества, породил в нем ряд тяжелых комплексов, которые мешают нам рационально, открытыми глазами видеть себя и мир даже сегодня.

5

Очень быстро выяснилось, что, подавив противников на Востоке, Россия катастрофически отстала от Запада. Отставание грозно обозначилось в самой болезненной сфере – военной. После успешного подавления Орды – поражение в Ливонской войне, вечная угроза со стороны Польши. Так с XVI века обозначился главный конфликт – Россия оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизаций.

Есть два возможных ответа на европейский вызов. Первый: попытаться перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом "своим путем"; опереться на силу Московского государства, хорошо пришпорить покорное об-

щество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания.

Да, Россия – поистине уникальная страна. Первая из "восточных" стран она вступила в соприкосновение с Западом. Единственная в мире, она, не став на "западный" путь, оказывалась в состоянии веками "почти догонять" Запад. Достигалось это, разумеется, непомерно дорогой ценой, истощением всех сил, да и достигалось лишь временно и только в узком спектре избранных направлений, где концентрировались все ресурсы страны. Но и это было чудом, как если бы бурлаки могли, пусть на коротком участке пути, "ухнуть" и бегом тащить баржу, почти вровень с пароходом. Поистине только богатейшей стране такое под силу. Но, думаю, в XXI веке это чудо будет уже невозможно. Если не произойдет, успешно не завершится реальная внутренняя реформация страны, если мы не выберем другую стратегию, отстанем на сей раз уже необратимо.

Другая стратегия: изменить само устройство социально-экономической системы, попытаться снять многовековые наслоения, восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой, перейти с "восточного" на "западный" путь, пусть не сразу, постепенно, но взрастить подобные институты на российской почве, опираясь на них, создать мощные стимулы к саморазвитию, инновациям, предпринимательству, интенсивному экономическому росту. Но это

неизбежно означает “укоротить” государство.

Борьба вокруг этих альтернатив – стержень российской истории с XVII века.

В петровской политике обе альтернативные линии причудливо переплетаются, и все же опора на государственную силу, машину принуждения явно преобладает. Разумеется, Петру и в голову не приходило хоть в чем-то ослабить государство, наоборот, он стремился резко усилить его как главный инструмент, способный помочь решить национальные задачи. В Европе издавна существуют мануфактуры, заводы – нам нужны такие же. Однако там они выросли на базе мелкой домашней промышленности и ремесла, накопления состояний, предпринимательской инициативы, свободного труда. Всего этого нет в России, за несколько лет это не создашь. Но можно пытаться заменить их государственным принуждением. Избранным государством фабрикантам дают даровую рабочую силу, крестьян закрепляют за заводом: столько-то дворов горнозаводских крестьян на горн, столько-то на домну. С помощью высоких таможенных тарифов устанавливают монопольные привилегии для государственных заводчиков.

Довольно быстро выявляются тупики такого метода индустриализации. Московские торговцы жалуются на низкое качество производимых на крепостных фабриках товаров, запретительно высокие цены, умоляют разрешить свободную торговлю иностранными товарами. Правительственное освидетельствование фабрик в 30-х го-

дах XVIII века показывает, что многие фабрики и заводы подложные, существуют только на бумаге, владельцы пользуются предоставленными льготами и привилегиями лишь "в свой карман". Реакция в стиле последовательного государственничества: указ 1744 года повелевает за низкое качество товаров и отсутствие усердия в развитии производства "многих владельцев фабрик из фабрикантов выключить".

Самое яркое наглядное свидетельство характера петровских модернизационных усилий – усиление государственного финансового гнета. Расходы на содержание армии и флота, и в 1680 году весьма обременительные для слаборазвитой страны, к концу его царствования возрастают в 4 раза, их доля в бюджете увеличивается с 50 до 65%. Параллельно, отражая государственный активизм, начинают быстро увеличиваться расходы на государственное хозяйство. В 1680 году они составляли лишь 4,5% бюджета, в 1725-м – уже 10%.

Отсюда и налоговые преобразования. Вводится подушная подать, ее объем к 1724 году почти в 5 раз превышает доходы от существовавшего до нее подворного обложения. Резко увеличены объемы косвенного налогообложения. Основным инструментом мобилизации ресурсов государством со времен монгольского завоевания остаются податная община и принцип круговой поруки – сильный тормоз экономического развития российской деревни. При мощном налоговом гнете, постоянно перераспределяемом на

самых работящих, зажиточных общинников, нет никакого смысла в попытках вырваться из заведенного порядка, нет стимулов и инициативы. Податная община консервирует аграрную отсталость, а ведь сельское хозяйство – фундамент, основа национальной экономики.

При всем блеске военных успехов и технических усовершенствований петровские реформы ярко обнажают самоедский характер государственного ответа на европейский вызов: мощное государство, высокие налоги, переобложение крестьянства, круговая порука; в результате — медленное экономическое развитие. Естественным следствием оплаченного огромной ценой рывка, в котором страна потеряла до 20% населения, стало вновь нарастающее отставание от уходящей вперед Европы.

Но другая, до сих пор привлекательная сторона петровской реформы – подчеркивание культурной общности с Европой, резкое усиление влияния европейских социальных стандартов и традиций. Все это делалось также методами грубого государственного насилия. Но результаты оказались парадоксальными: государство насильственно формировало независимые от государства социальные группы. Это произошло, разумеется, не сразу, но довольно быстро, в течение одного-двух поколений. Под европейским влиянием дворянство начинает стремиться к независимости, выбивает у государства все новые права и свободы. Постепенно формируются хотя бы минимально независимые от чиновника

ячейки гражданского общества. Русский аристократ середины XVIII века чувствует себя куда естественнее при французском дворе, чем при османском. Европейское влияние видно и в распространяющемся представлении о гражданских правах (естественно, в форме прав дворянства), и в крепнущем убеждении в незыблемости частной собственности (также, естественно, в первую очередь дворянской).

В основании послепетровской "евразийской" России лежало глобальное противоречие, которое прошло сквозь всю русскую историю XVIII–XX веков и с балластом которого мы входим и в XXI век. Выдавая нужду за добродетель, это противоречие гордо назвали "особым", "мессианским" путем, в то время как в действительности здесь была (и осталась) то явная, то скрытая борьба между двумя путями при невозможности выбрать один из них.

В трещину этого противоречия свалилась царская, затем коммунистическая империя. Над этой трещиной мы и сегодня строим здание новой России.

Копируя во многих, особенно внешних, культурных формах европейский путь, мы не имели главного – развитого, свободного от государственно-бюрократического диктата рынка, свободных отношений частной собственности. Но и сохранить азиатский способ производства в полном виде не удавалось. Это был какой-то перманентный кризис "западно-восточной структуры" общества.

Проявлялось это во всем. После Петра в России сложилась особая бюрократия. Она соединяла все худшее от бюрократии западной, немецкой, прусской, которую копировала внешне, и от бюрократии восточных деспотий, "азиатской", духом которой была глубоко пропитана.

От прусской бюрократии она взяла формальный, "механический" характер, глубокое отчуждение человека от бюрократических институтов, но без традиционной немецкой точности, педантичности, от традиционной "восточной" бюрократии – самодурский дух, леность, расхлябанность и, конечно, главный вечный бич русской бюрократии – глубочайшую коррупцию.

Патологической была социальная структура русского общества. Ее моделью можно считать Дворцовую площадь в Петербурге – ровное пространство, в середине которого вертикально вверх вздымается колонна. Не было нормальных, придающих обществу стабильность плавных переходов от низших к высшим.

Дворянство и крестьянство жили как бы в двух разных странах, говорили и думали буквально на разных языках (дворяне – на французском). Подобная социальная структура сегодня характерна лишь для некоторых стран "третьего мира". Но и само дворянство не могло считаться независимым от государства классом гражданского общества. В течение XVIII–XIX веков социальная структура очень медленно менялась, с трудом обреталась реальная независимость от бю-

рократического контроля. Этот процесс так до конца и не закончился к 1917 году, хотя, конечно, прогресс был достигнут громадный. Во второй половине XIX – начале XX века в России уже почти вставало на ноги то, что можно назвать гражданским обществом, – материально и социально автономная от государства, от бюрократии русская интеллигенция, "средний класс", предприниматели, где объединилась лучшая часть дворянства, разночинцев, купечества. К сожалению, эта культурная пленка была слишком тонкой, она покрывала лишь незначительную часть социального ландшафта и легко порвалась, не выдержав сверхнапряжения социальных конфликтов в начале XX века.

Еще сложнее обстояло дело с собственно имущественными, прежде всего, конечно, земельными, отношениями.

В XVII веке характер земельных отношений в России устойчив, хотя и неэффективен. Их основа – поместная система, закрепощение всего населения государством, всеобщая обязанность службы, для дворян – военной и чиновной, для крестьян – податной. Ростки частной собственности слабы и еле различимы, земли одновременно и царские, и дворянские, и крестьянские. Все имеют на них пересекающиеся претензии. Конечно, как и везде, появляются тенденции к приватизации, помещики, условные собственники, стремятся закрепить землю за собой, сделать наследуемой, расширить свои собственнические права. Но этой тенденции противостоит и про-

тивоположное – государственный контроль, перераспределение земель.

В начале XVIII века заимствование европейского опыта, традиций придает дворянской приватизации мощный импульс. Оказывается, частная собственность – священное право. Из сложной структуры пересекающихся прав без исторической эволюции, по решению власти вычленяется одно звено – помещик, дворянин. Неожиданно для подавляющей части общества – крестьян — дворянство получает все права собственности.

Происшедшая в исторически сжатые сроки аграрная революция, начатая законом Петра I от 1714 года о единонаследии, приравнявшим поместья к вотчинам, подтвержденная указами 1731 и 1736 годов Анны Иоановны, закрепленная манифестом 1762 г. Петра III о вольности дворянства и жалованной грамотой Екатерины II в 1785 г., по форме сблизила российские земельные отношения с европейскими. Но на деле эта реформа законсервировала крепостничество, затянув, пожалуй, один из самых тугих узлов противоречий в российской истории.

Не проросшая, как в Европе, через века традиций, насажденная разом государством взамен традиционной феодальной, смешанной, дворянская частная собственность никогда не имела глубоких корней, исторической легитимации, гарантий правовой устойчивости. Баланс земельных отношений допетровской Руси был резко нарушен. Дворяне держали землю от государст-

ва за службу. Если они теперь не обязаны служить, то и крестьяне свободны от своих государственных обязательств их содержать. В обыденном сознании дворянскому праву на землю противостоит имеющее ничуть не меньшее основание крестьянское право. Эту железную, опирающуюся на традиции логику никакими розгами не выбьешь. Конфликт вокруг дворянских и крестьянских прав на землю является постоянной угрозой стабильности и тормозом экономического развития.

Помещичья (вообще частная) земельная собственность в России никогда не воспринималась как вполне легитимная. Это было свойственно всем классам общества, что блестяще зафиксировано в произведениях Л.Н.Толстого, во всем его "дворянско-крестьянском" мировоззрении. Между тем ясно, что до XX века в России практически можно ставить знак равенства между понятиями "земельная собственность" и просто "собственность". *Отсутствие традиции глубокой легитимности собственности — вот что трагически отличало Россию от Европы. Отсутствовал, по сути, главный психологически-культурный стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма.* Поэтому, естественно, и учения, уже во всем блеске новейшей "европейской рациональности" отрицавшие легитимность частной собственности, наспех переведенные с немецкого, принимались в России как родные...

Екатерина II, хорошо знавшая и понимавшая Европу, ее дух, немало сделавшая для перенесения на российскую почву рыночных институтов (от ликвидации внутрироссийских пошлин до перехода к новой, более свободной, стимулирующей промышленной политике), разумеется, понимала, какой архаикой, каким историческим тупиком является крепостничество. Чтобы увидеть это, достаточно внимательно перечитать ее знаменитый "Наказ". Но, четко и безоговорочно закрепив за дворянами право частной собственности на землю и крепостных, начав таким образом именно с дворян формирование свободного сословия, аналога европейских граждан, она, ее преемники оказались в историческом тупике.

Освободить крестьян без земли, которую они считают своей, — значит теперь лишь усилить социальные противоречия, деревенскую нищету, к тому же с трудно прогнозируемыми последствиями для государственных налоговых поступлений. Но освободить крестьян с землей, принудить дворян к ее отчуждению – это нарушение дворянских прав, произвол. Первое право, которое решительно отстаивает новое свободное сословие, – священное право частной собственности на свои земли. Корона боялась дворянского заговора (судьбы Петра III и Павла I хорошо помнили!) никак не меньше крестьянских восстаний.

История проектов аграрной реформы, внутренней полемики, тайных комитетов периода

Александра I и Николая I – история попытки найти решение этой трудноразрешимой задачи.

Неподтвержденное, но и не опровергнутое историей предание свидетельствует, что Николай I перед смертью взял с Александра II слово разрубить этот узел, освободить крестьян. Вне зависимости от достоверности оно характерно. Крымская война, унизительное поражение, обнажившее отставание архаичной империи от быстро развивающейся Европы, в полной мере выявили и тупики попыток предшествующих десятилетий, и настоятельную необходимость научиться перенимать не только внешние формы, но и внутренний дух европейских установлений.

4

После Крымской войны большей части российской политической элиты было ясно, что пришло время новых интересов, новых планов, России жизненно необходим цикл реформ, обеспечивающих предпосылки капиталистического развития. Именно в последующее шестидесятилетие эволюция российских общественных институтов — отмена крепостного права, судебные, военные реформы, становление земского самоуправления, укрепление гарантий собственности – максимально сближает их с европейскими, прокладывая дорогу быстрой индустриализации, успехам в экономическом развитии. В этот период на передний план в формировании социально-экономической стратегии выходит один ключевой вопрос: в какой мере свободным от

государственной опеки должен быть российский капитализм, российский рынок, и в первую очередь в ключевой для экономики сфере – в сельском хозяйстве, в земельной собственности?

Наследие крепостничества – долгосрочный, растянутый во времени социальный фон. Спустя десятилетия после освобождения его следы очевидны в экономической жизни, быте, политике. И сегодня, сопоставляя карту итогов выборов 1993 года, выделяя регионы поддержки рыночных реформ, с удивлением обнаруживаешь бросающиеся в глаза совпадения с картой расселения не знавшего крепостничества черносошного крестьянства.

Само освобождение крестьян привело к вынужденно компромиссному решению, не устраивающему ни ту, ни другую сторону в вековом диспуте о земле. Как нередко бывает, с такой реформой всегда связаны надежды, которые объективно не могут быть удовлетворены. В результате и крестьяне, и помещики недовольны реформой. По убеждению первых, им дали слишком мало, а по убеждению последних, отняли слишком много. Часть земли принудительно отчуждена у помещиков, передана крестьянам, они связаны выкупными платежами, лишь после их выплаты в полной мере свободны. Сохранена община с ее круговой порукой как механизм регулирования податных и выкупных обязательств крестьян. Больше того, именно в ее распоряжение переданы земли. Крестьяне усечены в пра-

вах, без разрешения общины не могут получить паспорта, уехать на работу в город, их всегда можно вытребовать обратно на двор с полицией. Частный оборот земли, выход из общины жестко ограничены. В бумагах, удостоверяющих права крестьян на собственность, не определены ни местоположение, ни четкие границы. Домохозяин после своего освобождения не собственник, а государственное должностное лицо, работающее под надзором. Мощные эгалитаристские, антиприватные установления распространяются на основную массу населения, продолжают действовать.

Неудивительно, что на фоне обретшей наконец свободу и стимул к развитию городской промышленности в сельском хозяйстве наблюдаются растянувшиеся на десятилетия кризис, стагнация. Отсутствие стимулов к эффективным нововведениям, росту производительности здесь сочетается с высоким налоговым бременем, круговой порукой, увеличением аграрного населения, территориальная, трудовая мобильность которого искусственно сдерживается. Соответственно с ростом малоземельности, все более настойчивым становятся требования нового перераспределения земли.

Крестьяне, никогда не принимавшие в своей массе аграрную революцию Петра I – Екатерины II, убеждены, что земля государева, он может и должен ее переделить, чтобы всем хватило. Ссылки на частную собственность, как уже говорилось, мало кого убеждают. Да и свежий

опыт подтверждает: в реформу надо было – и переделили.

Как реакция на это – растущая озабоченность власти, ее стремление расширить границы государственного контроля, регулирование аграрной сферы, которые особенно заметны в годы царствования Александра III. Ограничение прав крестьян как будущих полноценных частных собственников, казавшееся либеральным авторам освободительного манифеста временным, закрепляется, консервируется на десятилетия.

Закон 1886 года осложнил деление имущества между членами крестьянского двора. Закон от 8 июля 1893 года потребовал перераспределения земли в общине не реже чем 1 раз в 12 лет, закон от 14 декабря 1893 г. резко осложнил продажу надела даже членам общины и сделал практически невозможным выход из нее.

Но чем больше государство втягивается в текущее регулирование землепользования, ограничивает развитие частнособственнических отношений, тем сильнее аграрный кризис, мощнее волна подспудного крестьянского недовольства, настоятельнее требование передела.

В начале XX века борьба вокруг аграрной политики правительства предельно обостряется. Получают четкое воплощение две линии: Плеве и Витте–Столыпина.

Предельно просто кредо В.К.Плеве выражено в подготовленной под его руководством записке: "Надельные земли, имеющие государственное значение, не могут составлять предмет

свободного оборота и поэтому не подлежат действию общегражданских законов". Отсюда линия на всемерный контроль земельной собственности, патриархальная опека над крестьянином, установление жестких предельных размеров земельной собственности отдельного двора, предотвращение формирования кулачества как класса.

Суть позиции С.Ю.Витте прямо противоположна. Он считал, что попытки сохранить государственный контроль над крестьянством – главный фактор экономической отсталости, основа потенциальной социально-политической угрозы. Витте хорошо видел связь слабости укоренения частной собственности с угрозой революции. Отсюда ключевые элементы его программы: уравнение крестьян с другими сословиями в гражданских правах, отмена особой системы наказания для крестьян, подчинение частноправовых отношений крестьянской общины гражданским законам, возврат крестьянам права выхода из общины, закрепление прав на личный надел, превращение размытой собственности дворов в частную собственность хозяев, отмена ограничений свободы передвижения и местожительства.

Уже в 1903 году (указ 12 марта) С.Витте удается провести решение об отмене круговой поруки. Манифестом от 11 августа 1904 года отменены телесные наказания, но понадобились аграрные беспорядки, переросшие в революцию 1905–1907 годов, чтобы царское правительство в полной мере убедилось в опасности и бесперспективности линии государственной опеки, твердо

сделало свой выбор в пользу аграрных реформ Столыпина. В глубокой личной неприязни С.Витте к П.Столыпину очень хорошо видна обида за то, что не ему удалось реализовывать выношенные преобразования.

Кредо П.Столыпина: "Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, т.е. труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдерживать соревнование с землей наших соседей... Особое положение, опека, исключительное правило для крестьянина могут только сделать его хронически бедным и слабым". В своей аграрной политике Столыпин показывает нам редкий в русской истории пример крупного, государственно мыслящего деятеля, старавшегося ужать роль государства в экономике. Подготовленные им указы от 5 октября и 9 ноября 1906 года устраняют сословное отделение крестьянства, гарантируют крестьянам право делить имущество между членами семьи, отчуждать наделы, уйти из общины и требовать свою долю общей собственности в частную собственность, объединять участки, заменять подворную собственность частной. Важнейшее препятствие на пути аграрного развития наконец снято.

Число крестьянских хозяйств, выходящих из общины, мизерное в 1906–1907 годах, начинает расти как снежный ком и в 1909 году достигает максимума (579 тыс. дворов). Мощный стимул к развитию выделяющихся хозяйств – возможность получить процент под залог земли в Крес-

тьянском банке. Постепенно расширяется круг организаций, предоставляющих ипотечные кредиты, действуют 10 акционерных земельных банков, 36 городских и губернских кредитных обществ, формируется развитой земельный рынок. Объем продажи земли в Европейской России растет со 157 тыс. десятин в 1908 году до 724 тыс. десятин в 1913 году.

Аграрный сектор отвечает на новые стимулы быстрым ростом объема и эффективности сельскохозяйственного производства: валовая продукция сельского хозяйства Европейской России в 1909–1913 годах на треть превышает объем 1900 года, производство зерна с 1900 по 1913 год возрастает больше чем в полтора раза, экспорт хлеба – почти вдвое.

Никогда российское сельское хозяйство не развивалось так успешно, как в коротком интервале между общиной и колхозом. Так история дала экспериментальный ответ на спекуляции относительно "прирожденного коллективизма" русского крестьянина, его опять же "непреодолимого" неприятия частной собственности. По крайней мере для наиболее активной части дореволюционного крестьянства это было явно не так. Я думаю, что, если сегодня удастся сформировать полноценный земельный рынок, результаты будут не менее впечатляющими, несмотря на несомненное падение трудовой этики крестьянства за годы колхозного разложения.

Добиться успехов в индустриализации страны

после освобождения крестьян также удается не сразу. Важнейшим препятствием на этом пути стал хронический дефицит национальных сбережений. Крестьянство, переобремененное налогами и выкупными платежами, лишенное при сохранении общины стимулов к развитию производства, явно не могло быть источником значительных добровольных сбережений. Дворянство с укоренившимися нормами дорогостоящего демонстративного потребления на роль крупного поставщика финансовых ресурсов для развития также не годилось. Государственный бюджет оставался хронически дефицитным, подтачивая доверие к национальной валюте. Собственные накопления молодого отечественного предпринимательства были недостаточными, чтобы превратить страну в регион динамичного экономического роста.

Крайне слабыми, малоэффективными были и национальные институты аккумуляции и перераспределения сбережений. Невысокие стандарты деловой этики, дурная традиция фиктивных банкротств не оставляли надежды на то, что отечественный банковский сектор сможет стать субъектом крупномасштабного долгосрочного кредитования индустриализации.

Столкнувшись с непростыми проблемами догоняющего развития при дефиците национального капитала, российские органы власти с 80-х годов ставят в центр своей политики линию на стабилизацию государственных финансов и денежного обращения.

Финансовые реформы и ужесточение налоговой политики при И.Вышнеградском и С.Витте обеспечили устойчивый профицит текущего государственного бюджета, доходивший до 20% его расходов, была подготовлена база для денежной реформы, восстановления золотого стандарта. Россия становится одним из наиболее привлекательных заемщиков на мировом рынке капитала. С 80-х годов XIX века страна твердо встает на путь стимулируемой государством импортозамещающей капиталистической индустриализации. Масштабы национального рынка и богатая собственная ресурсная база создают предпосылки для серьезных успехов этого курса.

При прямом финансировании или непосредственной финансовой поддержке государства разворачивается программа железнодорожного строительства. Крупные капиталовложения в эту отрасль создают масштабный рынок промышленной продукции, дают импульс к развитию комплекса взаимосвязанных промышленных производств. Долгосрочная устойчивость государственных финансов к 1898 году обеспечивает возврат к золотому стандарту. В этой ситуации крупные иностранные инвесторы проявляют заинтересованность в российском рынке. К 1900 году 28,5% капитала отечественных российских компаний имеет иностранные источники, к 1913 году – около 33%. Протекционистский тариф 1891 года и прямые льготы национальным поставщикам позволяют использовать

направляемые на железнодорожное строительство ресурсы для стимулирования быстрого роста отечественного промышленного производства. Резко растет спрос на металл, подвижной состав, подрядные работы.

За 90-е годы XIX века протяженность железных дорог возрастает в 1,5 раза, промышленное производство более чем удваивается.

Итак, государство играло большую роль в развитии производства – такова была реальная структура экономики. Но важно направление движения. Благодаря усилиям государства его общий удельный вес в экономике уменьшался, быстрее рос негосударственный сектор, именно он был доминирующим.

Источники бюджетных поступлений, служивших основой государственных инвестиций, при сложившейся к этому времени налоговой системе очевидны – это в первую очередь крестьянские хозяйства (акцизы на спиртное, соль, спички, керосин и т.д.). Связь государственных капиталовложений с обложением крестьян хорошо видна в зеркале внешней торговли – обильный экспорт зерна при недопотреблении в стране, как говорил Вышнеградский, "недоедим, но вывезем".

Между тем сельскохозяйственное производство конца XIX – первых лет XX века со все еще ограниченными стимулами и возможностями частнокапиталистического развития стагнирует. Отсюда при высоких темпах промышленного роста продолжающееся отставание от наиболее

развитых стран Запада по национальному доходу на душу населения[1].

Социально-политический риск такой политики очевиден – трудно определить, надолго ли хватит ресурсов социальной пассивности крестьянства, сколько можно нагрузить на обремененную рецидивами крепостничества деревню. К тому же сами задачи финансирования индустриализации стимулируют политику, направленную на сохранение общины как фискального механизма, консервируют аграрную отсталость.

В начале века никто не мог точно сказать, что произойдет раньше: или промышленный подъем, становление отечественного предпринимательства позволят избавить крестьянство от чрезмерной бюджетной нагрузки, подвести новую, более устойчивую финансовую базу под российскую индустриализацию, или политический кризис опрокинет перспективы устойчивого развития. Капиталистическая индустриализация в России шла наперегонки с растущей политической дестабилизацией.

Архаичный, оцепенело застывший перед подступающей революцией, до мозга костей коррумпированный царский режим был обречен – в начале века это было очевидно всем. Реальный

---

[1] По расчетам С.Прокоповича, рост национального дохода на душу населения в 1894 – 1913 годах составил в России 50, в Германии – 58, во Франции – 52, в Италии – 121% и т.д.

вопрос был в том, какой характер примут радикальные изменения, успеет ли в стране укрепиться экономика, сможет ли осознать свои интересы, политически консолидироваться средний класс, так чтобы смягчить силу ударной волны, проникнет ли идея легитимности частной собственности достаточно глубоко в сознание общества, чтобы революция не приняла социалистический характер, "сбривающий" частную собственность под корень.

Хотя резко обострившиеся в начале XX века конфликты обусловили падение темпов экономического роста, после поражения революции 1905–1907 годов шансы выиграть в этой гонке, казалось, резко пошли вверх.

Дубина крестьянских беспорядков выбила из сознания правящей элиты иллюзии о вековой покорности и верности крестьянства. Наконец начата земельная реформа, призванная устранить главный тормоз развития деревни – общинные установления, отсутствие частной собственности на землю.

Заложенный в конце 90-х годов запас прочности финансовой системы позволил без тяжелого денежного расстройства пройти период русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, вскоре после него восстановить репутацию России как первоклассного заемщика.

В подъеме 1909–1913 годов уже явно просматриваются принципиально иные черты. Существенно падает роль государства в финансировании накоплений и стимулировании индустриа-

лизации, быстро растут вклады в сберегательные кассы, увеличивается объем частных капиталов, мобилизуемых акционерными обществами. Существенно окрепли собственные источники российских банков, изменилась к лучшему их репутация, они уже активно участвуют в финансировании долгосрочных инвестиционных проектов. Столыпинская реформа наконец открыла дорогу повышению эффективности сельского хозяйства, ее позитивное влияние прослеживается в возросших объемах зернового экспорта.

Это был, наверное, впервые в истории России экономический подъем, уже не столько стимулированный государственной волей, сколько идущий из глубины самого общества. Общество показало себя как здоровый, саморазвивающийся организм.

Разумеется, источники социально-политической нестабильности не были устранены. Остается подспудный старый российский спор о земле, справедливости помещичьих прав на нее. Предельно высока дифференциация доходов. Ригидный, самоубийственно упрямый правящий бюрократический слой, не желая идти на уступки, загоняя политические конфликты вглубь, делает все, чтобы спровоцировать ужасный взрыв. Быстро формирующийся, уже утративший верность традиционным крестьянским установлениям и еще не интегрированный в принципиально новый, городской образ жизни, переживающий болезненный процесс адаптации молодой. городской пролетариат – прекрасный

объект для социалистической агитации. Но уже появились надежды, что устойчивый, опирающийся на добровольные сбережения, частные инвестиции экономический рост создаст базу постепенного мирного регулирования социальных конфликтов.

Казалось, Россия, выиграв гонку со временем, обеспечила себе основы устойчивого капиталистического роста. Мировая война, в которую страна оказалась втянутой, растоптала надежды.

Глава III

Три источника и три составные части большевизма

Темный вихрь *передовой идеологии* налетел на нас с Запада.

А.И.Солженицын

Говорю на собрании: нет никакого интернационала, а есть народная русская революция, бунт – и больше ничего. По образу Степана Тимофеевича. – А Карла Марксов? – спрашивают. – Немец, говорю, а стало быть, дурак. – А Ленин? – Ленин, говорю, из мужиков, большевик, а вы, должно, комунесты.

Б.Пильняк. Голый год

Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг.

В.И. Ленин

1

КАК серьезное историческое явление большевизм родился 28 июня 1914 г. в Сараево, когда отнюдь не большевик, а член организации "Млада Босна" Гаврило Принсип убил эрцгерцога Франца-Фердинанда, что послужило сигналом к началу мировой войны. Коллега Ленина по редакции "Искры" А.Н.Потресов правиль-

но понял, что большевизм разгорелся не столько от той искры, сколько от пожара мировой войны. Он писал: "Коммунизм – это падающая волна той мертвой зыби, которая порождена мировой войной".

Вот картина, которую можно считать художественным описанием рождения большевизма.

"*Дракон*. Вы знаете, в какой день я появился на свет?

Ланцелот. В несчастный.

Дракон. В день страшной битвы. В тот день сам Атилла потерпел поражение. Вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы – они называются гробовики – выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я – сын войны. Война – это я".

(*Е.Шварц*. Дракон)

Да, большевизм – дитя войны, и, естественно, он нес в себе войну. Коммунизм всегда был "военным", только войны были разные – гражданская, с крестьянами (коллективизация), "холодная" (психологическая). Он погиб, проиграв все эти войны, впрочем, "плодоносить еще способно чрево, которое вынашивало гада..."

Война породила "большевизацию" общества, прежде всего психологическую. Не буду напоминать общеизвестное – качественное изменение в России всех форм социальной напряженности в годы изнурительной, бесконечной по-

зиционной войны, цели которой (верность союзникам? аннексия Константинополя и проливов? ответ на германский вызов? помощь "братьям-сербам"?) чем дальше, тем больше казались простому русскому человеку непонятными, чуждыми, даже враждебными, сколько бы войну ни называли в газетах "отечественной".

Сущность изменений в общественном бытии и общественном сознании сводилась к знаменитой и ужасной поговорке тех лет: "Нынче соль дороже золота, а жизнь дешевле соли".

Но "кровь, надо знать, совсем особый сок". Что полито кровью, стало или священным, или преступным. Середины не дано. Политика может быть ошибочной и компромиссной. Война, настоящая, Большая Война, требующая напряжения всех сил нации, не является "продолжением политики другими средствами". Война есть уничтожение политики. Если война оценивается как священная, государство резко укрепляется, если как преступная — гибнет.

Но гибнет тогда не просто государство. С грохотом рушатся все формы существующей в обществе легитимности, на которых, собственно, только и держится общество. Как орудийные залпы войны разносят вдребезги становой хребет всей системы нравственности, как происходит озверение солдата, считающего себя обманутым, хорошо показано в "Тихом Доне". Главный герой говорит: "С 15-го года, как нагляделся на войну, так и надумал, что Бога нету. Никакого! Ежели бы он был – не имел бы права допускать

людей до такого беспорядка. Мы – фронтовики – отменили Бога, оставили его одним старикам да бабам".

Понятно, что фронтовики, которые Бога "отменили", царя презирали (вся Россия повторяла через дефис:" Царь-Распутин"), а Отечеству не верили, превращались из защитника государства в его главного вооруженного врага. Ленинский лозунг уже жил в их душе, фронтовой воздух был им пропитан. Нужен был лишь политик, который дерзнет открыто произнести, легитимировать этот лозунг, выдернет чеку и швырнет гранату этого лозунга в пороховой погреб войны. Победа была обеспечена тому, кто посмеет дальше всех пойти в радикальном отрицании всех существующих форм, кто громче всех крикнет "все позволено!", кто шире всех распахнет клетку, из которой на волю рвутся все дикие, разбуженные войной инстинкты.

Не освещенные светом "марксистской религии", представленные на суд простого здравого смысла и нравственности лозунги Ленина оказывались откровенно разбойничьими призывами к убийству ("превратить войну империалистическую в войну гражданскую") и грабежу ("грабь награбленное"), но когда в качестве точки опоры, самооправдания оказывались марксистские догмы, все менялось как по волшебству. Имея эту точку опоры, Ленин — честолюбец, фанатик, природный диктатор — готов был перевернуть весь мир.

Война создала действительно революционную

ситуацию. Объективно – тяжелейшая ситуация ("обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов"), субъективно – взрывоопасная ситуация: все традиции, сознательные и бессознательные формы легитимности, позволяющие смягчать социальные конфликты, уничтожаются, вся структура общества воспринимается как незаконная, которую морально можно разрушать ("низы не хотят жить по-старому"), но нельзя защищать ("верхи не могут жить по-старому").

Есть цель и лозунг, всех объединяющий: "Долой войну!" (Разумеется, под лозунгом "Из войны империалистической поспешим в гражданскую!" Ленин бы массы не поднял, это уж были лозунги "для своих"; массы же должны были верить, что грабить награбленное удастся... без новой войны.)

Так слились воедино и образовали какой-то "сверхрезонанс" три разных потока: военное озверение, "вечно пугачевский дух в народе" и ленинско-марксистский фанатизм. Такими были *три источника* большевизма. В момент их объединения прозвучал великий взрыв в истории России, да, пожалуй, и в мировой истории[1].

---

[1] Так что, к слову, смешно "выводить" русскую революцию из германского золота, причина была куда серьезнее. И не таким уж бредом кажутся мечты о мировой революции, ведь война была мировой, вооруженные люди, считающие себя обманутыми, озлобленные и "отменившие Бога" (вот как на практике обернулось Марксово "штурмовать небо"), были во всех европейских странах... Да, на тонкой грани стояла Европа! Если Россия заплатила за катастрофу войны, за фрустрацию целого поко-

2

Война дала Ленину почти готовый образец экономической структуры: ВПК как военно-промышленный комплекс и как военно-промышленный капитализм. Для Ленина эти два значения по сути дела совпадали.

Милитаризация и монополизация экономики – вот что стало основой для большевистских экспериментов с экономикой России.

С начала войны степень государственного вмешательства в производство и распределение скачкообразно выросла. Для нужд военной мобилизации свободный рынок подходил куда меньше, чем жесткое государственное регулирование. Так по крайней мере казалось и в Германии, и в России (хотя экономическая победа в войне досталась США, где степень государственного контроля была куда ниже, чем в той же Германии). В России возникают многочисленные военно-промышленные комитеты, "особые совещания" по топливу, перевозкам, продовольствию. (Ирония истории, но не будь войны с ее милитаризацией экономики, не будь тогда "особых совещаний", дело не дошло бы и до сталинских "особых совещаний".)

ления большевизмом, то другие страны - фашизмом, нацизмом. "Потерянное поколение" поставило обманувший его либеральный мир на край гибели, устремившись к соблазну тоталитаризма. Такой, по словам И.Феста, была "мощнейшая тенденция времени, под знаком которой находилась вся первая половина века". Ужас первой мировой войны не закончился 11 ноября 1918 года в Компьене, он тогда лишь прервался. Злая энергия войны была вычерпана до дна 8 мая 1945 года в Берлине.

Войну вообще можно охарактеризовать как максимально возможное вмешательство государства в человеческую жизнь, в жизнь общества. Проявляется это не только на фронте, но и в тылу. Проявляется во всем, прежде всего в экономике.

Не просто марксистское доктринерство, но реальная военно-промышленная практика, ее анализ, вот что послужило основой для лучшей работы Ленина, написанной в годы войны, "Империализм, как высшая стадия капитализма".

Ленин описывает ВПК ("идеальной моделью" для него служила германская военная экономика) и находит для него абсолютно точные характеристики.

Свободный, рыночный капитализм, попав под жесткий государственный контроль, становится, как верно пишет Ленин, империализмом. Напомню его классические характеристики, данные Лениным: "Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитический или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм".

Именно этот точно описанный им экономический строй, но под названием "социализм" Ленин сознательно построил в России.

Перечисляя тут особенности империализма, он правильно выделяет как главный системообразующий признак монополистический характер экономики, убивающий конкуренцию, рынок.

Отсюда и “паразитизм” (на природных ресурсах, включая “трудовые”), отсутствие стимулов к саморазвитию, отсюда и “загнивание”, “умирание”.

Но высшая степень монополии есть – Ленин это отлично сознавал – государственная монополия. Еще раньше Ленин писал, имея в виду государственный протекционизм тем или иным предприятиям в России: “Сатрапы (любопытная словесная ассоциация с “азиатским способом производства”. – *Е.Г.*) нашей промышленности... не представители свободного и сильного капитала, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью... своим гнетом осуждают $^5/_6$ населения на нищету, а всю страну – на застой и гниение”. Ленин поставил целью довести этот строй до логического совершенства. Империализм остается неполным, пока он полностью не слит с государством, пока построен на базе независимой от государства частной собственности.

Что именно государственный капитализм (= империализм) Ленин видел в качестве переходной ступени, “куколки”, из которой выпорхнет бабочка социализма, общеизвестно. С предельной ясностью, не допускающей разночтений, он писал: “Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой... и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет”. Что же

нужно, чтобы из империализма "махнуть" прямо в социализм? Только одно: захватить власть! "Насколько созрело современное общество для перехода в социализм, это доказала именно война, когда напряжение сил народа заставило перейти к регулированию (государственному. – *Е.Г.*) всей хозяйственной жизни свыше чем полусотни миллионов человек из *одного* центра. Если это возможно под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горстки финансовых тузов, это наверное не менее возможно под руководством сознательных рабочих в интересах девяти десятых населения, истомленного голодом и войной".

Так выстраивается железная логическая цепь. Капитализм – государственное регулирование – государственно-монополистический капитализм (империализм, загнивающий, паразитический) — социализм.

6

Точно сформулированы и условия перехода от империализма к социализму: смена правящей элиты и установление диктатуры, ликвидация всех демократических "предрассудков". Власть отбирается у "юнкеров-дворянчиков" и передается "сознательным рабочим", т.е. коммунистам. (Почему-то, правда, с этого момента скала начинает плодоносить: государственно-монополистическая экономика перестает быть паразитической и загнивающей, начинают "расцветать сто цветов", как говорили китайские марксисты...)

Ленин дал формулу: коммунизм есть импери-

ализм плюс диктатура партии коммунистов. Здесь появляется и логическая законченность, две стороны медали соответствуют друг другу: диктатура в экономике и диктатура в политике. Так возникает чертеж тоталитарного здания. И эта формула в отличие от лепета про советскую власть и электрификацию была действительно воплощена в жизнь полностью и железной рукой.

Хочу только еще раз подчеркнуть, чтобы не демонизировать, как сейчас модно, Ленина, что весь его план субъективно отнюдь не был "сатанинским планом", направленным на умерщвление России. Этот план даже не был доктринерской реализацией марксистской утопии просто потому, что ничего подобного Маркс не писал. План Ленина в огромной мере вырос из реальной жизни, из практики милитаризованной экономики. Этот план – просто гимн, апофеоз государственного регулирования. В менее радикальных формах с ним были тогда согласны почти все. Ленин не лгал, когда писал: "Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределения продуктов, сбережение народных

сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет – вот первое слово в борьбе с катастрофой и голодом".

Кажется, что это перепечатка из сегодняшней (сентября 1994-го) "Правды", а не из "Правды" сентября 1917-го! Те, кто последние четыре года радостно предрекают "катастрофу и голод", дают тот же рецепт борьбы с "грозящей катастрофой": регулирование со стороны государства. Разница лишь в том, что сегодня эти слова выговариваются все же немного труднее, так как мы имели 70 лет, чтобы проверить, к какому "сбережению народных сил", "устранению всякой лишней траты сил" ведет государственное регулирование экономической жизни, необходимость которого, как верно пишет Ленин, была признана "еще при царизме".

Замечательны и конкретные меры установления государственного регулирования, которые провозглашает Ленин:

"1. Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2. Национализация синдикатов, т.е. крупнейших монополистических союзов капиталистов (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т.д.).

3. Отмена коммерческой тайны..."

С каким же реально существовавшим в истории строем соотносимы ленинские "Тетради по империализму"? О ближайшем источнике его вдохновения – германском ВПК периода войны –

мы уже сказали. Другой, более общий источник – тресты, концерны, картели, в великом множестве возникавшие в начале века прежде всего в США. В отличие от ВПК – явно временного, вынужденного, мобилизационного образования – эти тресты реально были органическим порождением капитализма, характеризовали его новую стадию. Если бы действительно это была высшая стадия капитализма, то — точно по Ленину – она оказалась бы последней.

В какой-то момент так думали многие. Исследования империализма были тогда очень модны. Собственно ленинский империализм во многом написан под влиянием работ Каутского и Гильфердинга и в полемике с ними. Его можно рассматривать и как "научный комментарий" к беллетристической утопии Джека Лондона "Железная пята" (1907), в которой описан переход США от свободного капитализма к государственно-монополистическому империализму и политической диктатуре.

Но именно потому, что монополистический капитализм даже в зародыше нес грозную опасность свободному предпринимательству и политической демократии, именно потому, что было очевидно, что он представляет собой не логическое развитие, а тупик, аппендикс, злокачественное, паразитическое новообразование на теле капитализма, американское общество вступило в борьбу с этим явлением. Как раз в начале века конгресс и администрация США приняли целый ряд антитрестовских мер, которые "перекрыли

кислород" монополистическому перерождению капитализма, редукции рынка. И тут Ленин бил в самую важную точку: должна быть установлена политическая диктатура, которая будет твердой рукой поддерживать и насаждать монополизацию экономики. Только в союзе с политической властью (диктаторской, разумеется) монополистический капитализм может победить свободную конкуренцию и рынок, раздавить их железной пятой, стать тотальным. Как пишет Ленин, тут и происходит процесс "соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм".

Как свободная политическая конкуренция (демократия) логически связана со свободной рыночной конкуренцией, так и экономическая монополия логически притягивает политическую монополию (диктатуру).

Ну а если монополию будет осуществлять коммунистическая партия, коммунистическая олигархия, то строй этот будет, разумеется, прогрессивным, исторически оправданным, превратится в... коммунизм!

"Ибо социализм есть не что иное, как... государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа". При этом Ленин писал: "Чистый империализм, без основной базы капитализма никогда не существовал, нигде не существует, никогда существовать не будет".

"Основная база капитализма" – рынок, частная собственность. Ленин был прав: пока моно-

полии варятся в общекапиталистическом котле, речь не может идти о "чистом империализме", "чисто монополистическом", "чисто паразитическом".

С тех пор прошло 80 лет. Произошла кейнсианская эволюция – государство на Западе стало куда активнее вмешиваться в экономику, во многих странах были национализированы целые отрасли экономики. Возникли гигантские, супермощные транснациональные компании. Как правило, они не принадлежат кому-то персонально, "хозяина" нет. Это акционерные общества без контрольного пакета в чьих-либо руках (разве что в руках другого такого же безличного гиганта). Фактически это министерства (а мощность многих из них намного превышает финансовую и технологическую мощность любого российского министерства, скажем). Казалось бы, здесь речь идет о бюрократических монстрах, которые на годы вперед планируют свою деятельность, где бесчисленные чиновники-управленцы чувствуют себя достаточно отчужденно от "дела", заинтересованы брать взятки и саботировать все нововведения, т.е. о полных аналогах советских министерств (ленинских монополий). Отчасти так оно, несомненно, и есть. Еще в 30-е годы министр внутренних дел США Г.Л.Иккес заявлял: "Всякий большой бизнес – это бюрократия".

Так, может быть, подчиняясь объективным законам, Запад своим путем пришел туда же – к государственно-монополистическому капи-

тализму, своему варианту социализма? Многие именно так и понимали идею конвергенции, модную в 60-х годах. Еще раньше, в начале века, такой путь к социализму предсказывал в своей концепции "ультраимпериализма" Каутский. Однако государственно-монополистического капитализма в ленинском смысле на Западе не возникло.

И дело здесь именно в рыночной среде, по правилам которой играют крупнейшие корпорации.

В результате эти концерны открыты к техническому прогрессу, деятельность их намного эффективнее, чем деятельность государственных компаний на Западе (не говоря уж о социалистических министерствах), хотя и уступает в эффективности мелким фирмам.

7

Государственно-олигархический капитализм (= империализм = социализм) в ленинском понимании больше всего похож на азиатский способ производства, описанный Марксом. "Суперзападная", казалось бы, социально-экономическая структура парадоксальным образом смыкается с традиционно восточной. Общим является главное: власть слита с собственностью, собственность является функцией власти. Империализм в ленинской интерпретации – это не высшая ступень развития капиталистической социально-экономической системы, а, наоборот, ее редукция к таким структурам, от которых западное общество отделилось сотни лет назад (при

сохранении, естественно, технологий XX века). И это на заре советской власти поняли многие.

В те же годы, когда одна часть интеллигенции в поисках объяснений по аналогии считала Октябрьскую революцию самой радикальной западной буржуазной интернационалистской революцией, другая часть была значительно ближе к истине, указывая на глубоко реакционный, самодержавный, "восточный", "почвенно-архаический" характер этой социалистической революции.

Так, Плеханов именно в связи с большевистской идеей национализации земли говорил, что ее реализация приведет к установлению в России "экономического порядка, лежавшего в основе всех великих восточных деспотий", говорил о большевизме, как о "китайщине", "антиреволюционном", "реакционном" повороте назад колеса русской истории.

Один из самых проницательных, философски мыслящих русских поэтов, М.Волошин, так определял сущность революции:

Вейте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре – вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.
В этом ветре гнет веков свинцовых;
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья?
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы Революции – в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья...
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества –
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль – все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг.
Сыск и кухня тайных канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений, Фаланстер[1], парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров...

В синтезе диктатуры партии и государственно-монополистической (империалистической) экономики поэт увидел тот самый страшный вариант развития, которым тоже была беременна русская история: царский, самодержавный социализм. Именно им как последним кошмаром, как известно, заканчивается "История одного горо-

---

[1] Фаланстерия — группа зданий, предназначенных в социалистической доктрине для жизни каждой отдельной общины, фаланги, состоящей из 1500–1800 лиц, соединенных между собой по интересам общего труда.

да" Салтыкова-Щедрина — "самодержавным коммунизмом" Угрюм-Бурчеева.

Такой социализм с мрачным восторгом призывал на русскую землю, дабы ее "подморозить, чтобы не гнила", Константин Леонтьев. Он прямо писал, что для России "социализм есть феодализм будущего... то, что теперь крайняя революция станет охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством". "Чувство мое пророчит мне, что Славянский православный Царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение, и с благословения церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной, и будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, церкви и царю". Что ж, надо сказать, что в описаниях "нового Средневековья" К.Н.Леонтьев близок к истине, в особенности что касается сурового социалистического рабства, общин-колхозов и уничтожения буржуазно-либеральных форм жизни... Интуиция его не подвела – он близко знался с демонами русской истории.

Октябрьская революция кровью смыла, штыком соскоблила с карты России тонкий культурно-западный слой. Вместо него на поверхность вышли мощные архаические пласты культуры, представленные маргиналами города и деревни. Это было "нашествие внутренних варваров" (С.Л.Франк). Новую элиту образовали "дикие люди" – герои Зощенко, Платонова. Возвращались средневековые по сути варианты самодер-

жавного правления, соединенные с современной техникой и бюрократическими институтами. (Бердяев написал в 1924 году книгу с точным названием “Новое средневековье”.) В минуты прозрения это понимали и некоторые коммунисты (отсюда обозначение Сталина как “Чингисхана с телефоном”). Путешествие из Петербурга в Москву правительства большевиков в 1918 году приобретало символическое значение: возвращение из “петербургской” России в средневековое московское царство-”ханство” (как известно, в 1919 году контролировавшаяся большевиками территория действительно была почти точной копией Великого московского княжества). Паровоз русской истории летел на восток. “Западное влияние” становилось чисто техническим.

Все это показывает, что ленинский “социализм” глубоко лежал в русле русской истории, был органичен для царства “Малют, Иванов, Годуновых” и империи “Павлов, Аракчеевых, Петров”. Он представлял собой развитие одной из линий державной истории. Конечно, в российский организм Лениным был занесен вирус, но и сам организм был готов его воспринять. Только это не был вирус анархии и разрушения государства, чего боялись наиболее крепколобые государственники строгого режима. Как раз наоборот, это был вирус патологического, злокачественного усиления, разрастания государства.

Вечный российский выбор – к саморазвивающемуся гражданскому обществу или самодержавно-восточной деспотии? — был наконец сде-

лан. Было, однако, в чертежах ленинского социализма нечто абсолютно свое, уникальное, что резко отличало его и от всех западных аналогов государственного монополистического капитализма (империализма), и от классических образцов азиатского способа производства, то, что хотя и было связано с русской самодержавно-бюрократической и общинной традицией, но принципиально отрицало многое в ней.

Соединение восточной деспотии (диктатура) в политике, государственного монополизма в экономике и коммунистической идеологии, отрицающей частную собственность,— только в этом органическом синтезе, скрепленном кровью и подогретом на огне гражданской войны, возникает поистине тоталитарный монолит.

Дело в том, что хотя при "азиатском способе производства" не развивалась традиция уважения, традиция законности частной собственности, но не развивалась и традиция ее отрицания. Тем более такая идеология немыслима при государственном капитализме. Подобной идеи отрицания частной собственности, и юридически, и социально-психологически насаждаемой государством, пожалуй, вообще не было в известных нам обществах.

Между тем именно жесткой, жесточайшей ликвидации и делегитимизации самого понятия частной собственности добивались Ленин, большевики. Он это делал, несомненно, из доктринерских, начетнических побуждений. Однако объективно это оказалось как раз "недостающим

звеном", как любил выражаться Ленин, чтобы замкнуть уникальную цепь поистине универсальной, невиданной ранее диктатуры, чтобы достроить до логического совершенства восточную деспотию. Именно здесь корень, ядро нового строя в истории, тоталитарного строя в его коммунистической редакции. Поэтому, кстати, коммунистический вариант тоталитарного строя был "совершеннее" по конструкции, чем фашистский (там, как известно, соединялись государственный капитализм, политическая диктатура и иная государственная идеология — шовинизм-расизм).

Не притеснение частной собственности, а ее радикальное искоренение, юридическая ликвидация и делегитимизация в сознании общества — вот основа тотальной, монолитной государственной политико-экономической диктатуры. Тут проходит четкий водораздел между "империализмом" и "социализмом". Таким образом и возник социализм как высшая (последняя) стадия азиатского способа производства.

Азиатский способ производства и его "европейская проекция" – государственно-монополистическое производство, — для того чтобы приобрести внутреннюю завершенность, предполагали элиминирование частной собственности, захват ее государством. Конечно, это была бы завершенность абсурда... Это был бы выход за пределы известной истории человечества – и "западной", и "восточной" — в некое новое измерение. Тоталитаризм вообще любит окончатель-

ные решения, перечеркивающие всю предыдущую историю. Германский тоталитаризм искал окончательное решение еврейского вопроса, российский – окончательное решение “рыночного” вопроса.

Конечно, для морального оправдания таких экстремистских шагов необходима мощная идеология, прикрывающая тотальную экспроприацию собственности государством некими сверхпривлекательными утопическими лозунгами. Роль этой идеологии и выполнял социализм, провозглашавший, разумеется, не “огосударствление”, но исключительно “обобществление” собственности и, как следствие, резкую гуманизацию всех социально-экономических отношений. При этом фактически как раз не отрицалось, что собственность будет принадлежать государству. Для того чтобы здесь перепрыгнуть через логическую пропасть и ухитриться поставить знак равенства между огосударствлением и обобществлением, нужна была определенная словесная эквилибристика – объявлялось, что само всемогущее государство при благодетельной диктатуре компартии каким-то чудом “отмирает”.

Окончательная формула Ленина может звучать так: социализм = политическая диктатура партии + государственно-монополистическая экономика + коммунистическая идеология. Поскольку это не механическая сумма, а синтез, то все части меняются внутри единого общего контекста. Здесь уже не остается традиционного

"империализма", хотя и загнивающего, но все-таки государственного *капитализма*, предполагающего рынок, частную собственность и т.д. Нет, здесь действительно возникает качественно новый строй, принципиально отличный от своих предшественников, — строй, где рынка в принципе нет.

Глава IV

Частная собственность номенклатуры

> Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности.
>
> *К.Маркс, Ф.Энгельс*

> Бюрократия имеет в своем обладании государство... Это есть ее частная собственность.
>
> *К.Маркс*

1

История отношений между номенклатурой и номенклатурным государством, история их мучительных противоречий и отчуждения первой от последнего еще не написана. Но можно констатировать: строй был разъеден изнутри его собственным правящим классом. В свое время Маркс писал, что буржуазия "производит прежде всего своих собственных могильщиков". Коммунистическая олигархия сама стала могильщиком своего строя, впрочем, могильщиком расчетливым и корыстным, надеющимся обогатиться на собственных похоронах, точнее, превратить похороны своего строя в свое освобождение от него и рождение нового... тоже номенклатурного строя.

Проявилось это и в 1989–1991 годах. Я уже не говорю о том, что наиболее активная часть ли-

берально-демократической интеллигенции ("прорабы перестройки") вовсе не относилась к числу диссидентов – в большинстве своем это, напротив, были люди, так или иначе связанные с властью. Но это как раз почти неизбежно при любой революции, которой предшествует революция духовная.

Гораздо важнее и нетривиальнее было то, что самые массовые отряды собственно номенклатуры – и хозяйственной и даже политической – вполне спокойно и достаточно сочувственно отнеслись к "антикоммунистической революции". Поэтому она и произошла так легко, бескровно в то же время осталась "половинчатой", а для многих обернулась обманом их социальных ожиданий и надежд.

Ну и, наконец, совершенно очевидным стал характер номенклатурно-антиноменклатурной революции, когда все увидели, что именно номенклатура (и ее "дочерние отряды" вроде так называемого комсомольского бизнеса) прежде других обогатилась в ходе раздела собственности. Получили права гражданства термины "номенклатурная приватизация", "номенклатурный капитал" (и капитализм), "номенклатурная демократия".

В манихейском сознании части нашего общества, пораженном "манией заговоров", возникли в связи с этим идеи мирового заговора номенклатуры, инспирированного, естественно, из Вашингтона и Тель-Авива ("Но чу! Катастрофа запланированная. Настоящий волчий сговор –

за ним стояли триллионы США, процессу дали ход именно они”), вплоть до откровенно параноидального бреда про “агентов ЦРУ в Политбюро” и тому подобных галлюцинаций[1].

Однако настоящий анализ проблемы нам еще предстоит.

В 1990–1991 годах у нас, безусловно, произошла мировая геополитическая катастрофа вне зависимости от ее оценки, со знаком “+” или “-”. Она была неожиданной для большинства не только советских людей (включая диссидентов), но и для советологов. Так, в середине 80-х годов известные историки А.Некрич и М.Геллер писали: “Приближаясь к своему 70-летию, государство, рожденное в октябре 1917 года, завершает восьмое десятилетие XX века как последняя мировая империя. Над советской зоной – от Кубы до Вьетнама, от Чехословакии до Анголы – никогда не заходит солнце... Успехи системы очевидны”. Именно таким было мироощущение Запада, панически боявшегося советской агрессии.

Причин краха коммунистической системы множество.

Но нас в соответствии с основной темой ин-

---

[1] Объективности ради надо сказать, что исторические катастрофы естественно вызывают потрясения в сознании. Когда гигантская империя “вдруг” разваливается, падает, как колосс на глиняных ногах, мифологическое сознание ищет тут тайную и “рукотворную” причину – очередной всемирный заговор.

тересует внутреннее разложение, идущее сверху социальное и психологическое перерождение элиты, а как следствие этого – политическое и экономическое перерождение системы.

С первых дней советского режима номенклатура, держащая глухую оборону от собственного народа и от мира, решает извечный для нее вопрос: каковы гарантии от "реставрации капитализма"? Главной же гарантией всегда было одно – постоянное усиление власти самого "гаранта", коммунистической элиты. И именно эта элита и стала основным "реставратором".

Перерождение элиты и системы имеет длинную историю.

1917–1921 годы – военный коммунизм, частная собственность (на территории, контролируемой коммунистами) упразднена. Война, красный террор. Номенклатура ведет смертельную борьбу, осознает себя в роли якобинцев.

1921–1929 годы – нэп, "мирная передышка", многоукладность экономики. Страна максимально похожа на восточную державу (или, по Ленину, на "империализм"). Есть натуральное хозяйство, мелкотоварное хозяйство, частная собственность, государственно-капиталистические предприятия, социалистическая собственность. В этот период – первый кризис коммунизма, первая возможность "перерождения", буржуазного термидора. Одновременно железный занавес и идеологическая война со всем миром (и с остатками общества внутри страны).

1929–1953 годы – тоталитаризм. Единствен-

ный период, когда действительно в стране торжествовал коммунизм. "Пик коммунизма" – 1937 год. Произошло восхождение на этот пик, "восхождение от абстрактного к конкретному", от теории к жизни. Точнее, редукция живой жизни к теории. "Каток" проехался по стране, по всем экономическим укладам. Не считая существенных мелочей (подсобные хозяйства – ну да ведь есть же иногда что-то все-таки нужно...), в стране действительно монолит тотально-государственной собственности. Частная собственность полностью уничтожена. Вот здесь ясно видны качественные отличия от "азиатского способа производства", тем более от "империализма". Этому соответствует и политическая форма правления – кровавая гражданская война ("обострение классовой борьбы").

1953–1985 годы – спуск с коммунистических "зияющих высот". Опять кризис коммунизма, "второй звонок". При внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности внутри нее развиваются своеобразные "теневые" процессы, возникает особый "бюрократический рынок". Внутри защитной оболочки государственной, а точнее – "лжегосударственной", собственности зарождается, развивается в скрытой, но действенной форме "квазичастная", "прачастная" собственность. Идет по нарастающей перерождение номенклатуры, незаметный процесс "предприватизации" собственности. Общество начинает опять походить на "империалистическое", "государственно-капиталисти-

ческое", отчасти на "восточное", но в искаженной форме. Политическая ситуация опять сравнительно мирная: холодная война государства и во внешнем мире, и со своим обществом. Но война позиционная, застойная, почти бескровная.

1985–1991 годы – конец коммунизма, "третий звонок". Подспудные процессы предыдущего периода выходят на поверхность. Начинается открытая номенклатурная приватизация, частная собственность узаконивается, о реально-государственной (тоталитарной собственности) уже и речи нет. Номенклатура открыто превращается в капиталистическую. К концу этого периода строй похож уже не на "империализм" в классически-ленинском описании (тем более не на восточное общество), а на что-то переходное к "западной" модели, к рыночной экономике, к открытому обществу и свободному капитализму. Правда, эти перемены вполне еще обратимы. Политически все это идет на фоне тотального разгрома государства, полностью проигравшего психологическую и холодную войну как во внешнем мире, так и внутри страны. Поражение заканчивается распадом, исчезновением прежнего государства...

2

Но за всеми этими реальными историческими метаморфозами стоит одна жесткая логическая схема. Реальная эмпирическая история лишь нарастила на логический скелет факты.

Вспомним те две формулы Маркса, которые взяты в качестве эпиграфа к этой главе. Комму-

нисты уничтожают частную собственность. Государство есть частная собственность бюрократии.

Эти две формулы образуют жесткие логические тиски, в которых зажато общество, построенное по марксистской теории. Эти две формулы описывают самый краткий из всех, но в принципе полный курс истории ВКП(б). Дан логический и социально-психологический каркас истории победоносного и обреченного большевизма.

Из утверждений Маркса можно вывести ряд следствий.

(1) Упразднив частную собственность, коммунисты сделали всю собственность государственной.

(2) Государственная собственность есть коллективная собственность бюрократии.

(3) Каждый отдельный бюрократ, бюрократический клан стремятся превратить государственную собственность в свою частную собственность.

Экспроприация частной собственности – государственно-бюрократическая собственность – частно-бюрократическая. Вот формула развития социалистического общества от рождения до гибели.

В принципе мы здесь сталкиваемся с частным случаем общей проблемы всех восточных деспотий, о чем уже говорилось, – универсальным стремлением чиновников "приватизировать" свою власть, превратить ее в собственность.

Залог гибели системы в неизбежности перехода от (2) к (3), в неодолимости "рефлекса приватизации" у бюрократической олигархии.

От этого рефлекса могли удерживать вера коммунистических бюрократов в сакральную идеологию, отрицающую частную собственность, и страх нарушить догматы этой веры.

Коммунистический строй с его претензией на научность, рациональность был с самого начала построен как спиритуалистический, оправдание которого за гранью разума и фактов, в сфере чистой веры (в действительности веры и страха). Именно идеология, вера в нее и страх ее нарушить должны были образовать барьеры между правом распоряжаться госсобственностью и действиями по ее "приватизации" в свой карман.

Вспомним составляющие большевизма – диктатура государства экономическая и политическая, диктатура бюрократии. Но если над самой бюрократией не будет диктата идеологии, то тогда чем тотальнее строй, чем больше власть правящей бюрократии, тем быстрее она разложится, разделит между собой госимущество, тем быстрее этот строй погибнет.

Поэтому сохранность идеологии была основой строя. А важнейшим компонентом в идеологии была ее антисобственническая составляющая, только она и препятствовала перерождению коммунистического тоталитаризма "назад" в госкапитализм с номенклатурой в роли новых капиталистов. (Разумеется, антисобственнические компоненты. в идеологии были внутренне про-

тиворечивыми, ведь идеология "экономического детерминизма", исторического материализма провозглашала первой целью своей политики не достижение тех или иных собственно имматериальных, духовных ценностей, а, напротив, "удовлетворение потребностей трудящихся". Тем не менее в отношении частной собственности на средства производства стояло твердое табу, а "для страховки" и личная собственность на предметы потребления для членов номенклатуры в 1920-е годы жестко регламентировалась, по крайней мере формально.)

Для того чтобы идеология была реальным руководством к действию, необходимо было среди номенклатуры выковать тип "новых", "стальных", но "бестелесных" людей. Но вопреки романтическим восторгам, а затем и самоуничижительной иронии такого типа людей в СССР создать, воспитать, выдрессировать так никому и не удалось.

В 30-х годах официальная пропаганда особенно свирепствовала, и действительно казалось, что многие люди с искренним энтузиазмом "перековываются" в "ускомчелов" (усовершенствованный коммунистический человек – термин И.Эренбурга). Но именно тогда, посетив Москву, Воланд задавал себе вопрос: "Изменились ли эти горожане внутренне?" И сам на него отвечал: "Ну что же... они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну,

легкомысленны... ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...”

Да, так было всегда. Но никогда не было строя, безумно отрицавшего это “человеческое, слишком человеческое” чувство. Никогда не было строя, для которого человеческая любовь к деньгам, собственности несла бы смертельную угрозу. Что же — тем хуже для строя!

В сущности тот же “воландовский” вопрос сразу после окончания гражданской войны задавал себе “демон революции” Л.Д.Троцкий и с ужасом констатировал: “Когда напряжение отошло и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни (и стали называться “номенклатурой”. – *Е.Г.*), в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности... Шло освобождение мещанина в большевике”.

Такие “психологические метаморфозы” назывались, естественно, “перерождением” большевиков, хотя на самом деле они доказывали как раз, что перерождения не произошло, что они остались обычными людьми, которым не чуждо ничто человеческое. Их мысли ничуть не противоречили принципам, программным документам партии. Но они хотели – как любой правящий слой после любых переворотов и револю-

ций – собственности. Действительно тривиально.

Конечно, первоначально речь шла не о "первоначальном накоплении", а о "первичном наедании". Они стремились вначале решить вопрос о собственности на чисто потребительском уровне, на уровне своего потребления, быта. Это еще совсем не противоречило политическим принципам партии.

В конце 20-х годов был отменен пресловутый "партмаксимум", уже к середине 30-х годов разрыв в уровне жизни (жилье, продукты, вещи) между номенклатурой и "простыми советскими людьми" достиг такой же величины, как разрыв между сановниками того же ранга и беднейшей частью обывателей до революции. После войны в особо привилегированное положение наряду с традиционными отрядами номенклатуры (партэлита, госбезопасность, армия, дипломаты) попала верхушка ВПК. Всегда была богатой группа руководителей торговли.

Однако постоянно растущие привилегии не могли до конца разрешить "социальный вопрос" "голодающей" номенклатуры. Аппетит приходит не просто во время еды, особенно важно, что он всегда опережает количество "еды", отпускаемой во всех лучших распределителях. Потребность в "настоящей" собственности, не только на предметы потребления, но и на землю, финансовые компании, промышленные предприятия, торговые фирмы и т.д. – вот что составляло часто неосознаваемый, но все равно мучительный "со-

циальный комплекс". Вот тут уже потребности номенклатуры вступали в противоречие с официальными принципами партии. Л.Д.Троцкий достаточно точно подметил это еще в 30-е годы: "Если сейчас... она (бюрократия. – *Е.Г.*) сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущественный класс".

В этом остром социологическом анализе автор "Нового курса" фактически предвосхитил теорию "нового класса" Милована Джиласа. Конечно, Л.Д.Троцкий излишне привержен марксизму, когда связывает существование "класса" непременно с его отношением к средствам производства. Но он находит простое и глубинное для социалистической системы обоснование стремления номенклатуры к собственности. Потребность в частной собственности

связана с таким безусловным инстинктом, как семейный, родительский! Он мог бы назвать свою книгу не “Преданная революция”, а “Перерождение государства под влиянием семьи и частной собственности”.

Итак, теоретический приговор коммунистической системе произнесен. “Рыба с головы гниет” – чем сильнее власть социалистического государства (чем более “развит социализм”), чем больше у правящего класса, высшего чиновничества, номенклатуры привилегий, тем вернее и быстрее этот класс перерождается, обуржуазивается социально-психологически и стремится стать буржуазией также и в экономическом отношении. Номенклатура разрывает рамки социалистического государства, как птенец разбивает яйцо. Понятно, что это связано не с какими-то “недостатками” или “сталинскими извращениями”, а с самим существом системы, несущей в себе свою неизбежную и скорую гибель. В отличие от многих других это пророчество Троцкого сполна подтвердилось.

3

Нэп создавал первую предпосылку для “перерождения” тогда революционной номенклатуры: при сохранении политической диктатуры, монополии на власть (и соответственно командных позиций в отношении распоряжения собственностью) заключить ту или иную форму союза с другими экономически сильными группами населения – нэпманами и кулаками прежде всего – и начать частичное разгосударствление собст-

венности. Вариант, кстати сказать, в чем-то напоминающий тот "китайский опыт", которым бредит часть нашей современной номенклатуры.

В 20-е годы это был бы классический случай "термидора", вариант, постоянно обсуждавшийся в эмигрантской литературе тех лет. После разгрома "левой оппозиции" казалось, что сталинское руководство открыло шлагбаум движению бюрократического государства именно в этом направлении, от складывающегося тоталитаризма назад, к "номенклатурно-государственному капитализму" при сохранении диктатуры партии и ГПУ. Лозунг "Обогащайтесь!", который был брошен крестьянам, мог бы стать в такой ситуации лозунгом номенклатуры.

Как известно, этого не произошло. В конце 20-х годов был совершен мощный рывок. Ударным трудом ОГПУ и всей "остальной страны" здание тоталитаризма было наконец возведено.

Было бы наивно все приписывать личности И.Сталина. Нет, тогда еще и большинство номенклатуры не было готово к "термидору". Общество не было однородным, большевики боялись, и не без оснований, что им не удержаться, если произойдут радикальные социально-политические потрясения. Могли вернуться "старые хозяева", а такая контрреволюция для "комиссаров" с большой вероятностью означала бы не только утрату собственности и власти, но и нечто много более опасное... Гражданская война все еще держала большевистскую номенклатуру на крючке, связала ее кровавой порукой. Отступать

было некуда. Большевики, можно сказать, шантажировали самих себя. Вообще позиция красных директоров, военных комиссаров, руководства наркоматов и профессиональных партработников не была прочной в захваченной ими стране. Это руководящая бюрократия хорошо понимала. Таким образом, страх заставлял держаться за идеологию, цементирующую систему. Оставались у них и нерастраченная энергия мессианской веры, и элементы социалистических, антисобственнических утопий. Вот это сложное сочетание страха, инстинкта самосохранения, веры делало невозможным "термидор", переворот сверху в 20-е годы.

Как раз наоборот – номенклатура пошла в наступление на страну: "Левой, левой, левой!" Остатки частной собственности экспроприированы, господство госсобственности стало абсолютным, прошел по деревне плуг коллективизации. Тоталитарный строй становился абсолютным, завершенным. Из ленинского государства выросло сталинское (1930–1953).

Одновременно увеличивались привилегии, но здесь уж началась внутривидовая борьба среди бюрократии. Номенклатура укрепляла свое господство над страной, Сталин укреплял свое господство над номенклатурой, широко применяя и пряник привилегий, и кнут репрессий. Он вел свою "перманентную революцию", провоцировал "усиление классовой борьбы", позволявшее ему сгибать номенклатурные шеи под железное ярмо "партдисциплины", так что не осталось и

голов, думающих о "термидоре". Если и думали, то о другом – опять шаги на лестнице... Неужели ко мне?.. Так удалось "подморозить" и сам большевизм, чтобы не гнил, удержать его "на дыбах", в состоянии "революционного подъема" еще добрых 25 лет – с конца 20-х до 5 марта 1953 года.

4

Однако за эти годы произошла внутренняя метаморфоза идеологии, отмеченная многими исследователями.

Еще в 1920 году Н.Устрялов провозгласил, что русский большевизм меняет окраску: из космополитического, интернационалистского становится национальным, превращается в "национал-большевизм". Сам этот термин, возникший в Германии в 1919 году по аналогии с национал-социализмом, получил широкую популярность в 1921 году, после выхода в Праге сборника "Смена вех". Название сборника расшифровывается просто, если вспомнить знаменитые "Вехи" (1909). Однако дело было не в полемике между двумя сборниками.

Сменовеховцы оказались "попутчиками" большевиков. Они попали в фарватер той мощной волны, того течения в интеллектуальной жизни Европы 1920–1930-х годов, которое бескорыстно восхищалось динамизмом, молодостью, силой фашизма, нацизма, большевизма в противовес "старческой", "беззубой" демократии. Об этих интеллектуалах, об этой моде хорошо сказал К.Чапек: "Есть ли что-нибудь достаточно пагубное, страшное и бессмысленное, что-

бы не нашлось интеллигента, который захотел бы с помощью такого средства возродить мир?"

В своем восхищении "национал-большевизмом" эмигрантские интеллигенты сильно опередили события. Только сейчас, во "втором издании" КП РФ под руководством Зюганова, коммунистам удалось, кажется, окончательно изжить "скверну интернационализма", стать полностью национал-большевиками. До тех пор пока существовала многонациональная империя, претендующая к тому же на роль мирового гегемона, мессиански-интернационалистская идеология была неизменным атрибутом все того же "государственничества".

Сменовеховцы сильно заострили и упростили ситуацию: большевистская риторика, хотя и тяготела к самому вульгарному черносотенству (особенно, как известно, в 1945–1953 и в конце 1970-х – начале 80-х годов), так до конца и не избавилась от обязательных интернационалистских ритуалов. Так обстоит дело даже и сегодня: те же национал-большевики говорят о "чисто русских" интересах, но тут же, не переводя дыхания, требуют восстановления Советского Союза. А вот "очищение от инородцев" московской большевистской элиты действительно было произведено на радость национал-большевикам (которые до сих пор именно за это чтут Сталина!) абсолютно радикально, но очень мало что изменило в политической сущности коммунистического режима, в его радикал-государственничестве.

Более существенная идеологическая метаморфоза 1920-х – 1953 годов заключалась в другом. Система с годами просто утратила идеологический порыв, идеологическую привлекательность. Революционный дух из идеологии беспощадно вытравляла после своей победы сама система, панически боявшаяся любых революционных выступлений, которые теперь, очевидно, могли были быть направлены только против нее, против коммунистического государства.

Это очень быстро привело к окостенению самой идеологии. Она свелась к системе внешних ритуалов. Ярким воплощением такой ситуации, ее персонификацией стал официальный идеолог 1947–1982 годов М.А.Суслов, очевидно являющийся лишь жестоким "хранителем неподвижности".

Выветривание смысла, сохранение лишь внешней, ритуальной формы – первый шаг к отрезвлению системы. Скоро форма, лишенная содержания, перестает восприниматься как священная, а ее псевдозначительность только раздражает. Новые поколения номенклатуры, вышедшие на первые роли во время чистки 1937 года, были, как правило, лишены романтических настроений, типичных для большевиков предшествовавших генераций. Это были нормальные чиновники, делающие карьеру. В рамках необходимости они готовы были, не слишком задумываясь, исполнять обряды "марксистской церкви", как царские чиновники исполняли обряды церкви православной. Но никаких

глубоких убеждений, кроме привычки к ритуальным действиям, у них не было. По остроумному замечанию Х.Ортеги-и-Гассета, "Россия настолько же марксистская, насколько германцы Священной Римской империи были римлянами..." Вот и члены номенклатуры были такими же марксистами, как германцы – римлянами. Зато инстинкты собственников, желание частной собственности для многих из них стали настоящей манией, которую приходилось с трудом подавлять. Коммунистическая "церковь воинствующая" превращалась в "церковь циническую". Идеология утрачивала глубокий спиритуалистический характер и изнутри, до краев псевдосакральной оболочки наполнялась безграничным ханжеством и цинизмом. Известный советолог Б.Суварин в 30-е годы писал: "СССР — это страна лжи, лжи абсолютной, лжи интегральной... СССР – ложь до крыши. В четырех словах, обозначенных четырьмя буквами, четыре лжи".

Антикоррозионное покрытие идеологии, предохранявшее номенклатуру от гниения, истончилось. Вера ушла, оставался страх. После смерти Сталина начал уходить и страх.

5

"Железная зима" сменилась "оттепелью". Тоталитарное общество стало превращаться в авторитарное. Естественно, "процесс пошел" сверху. Ни один из твердокаменных и "бесконечно преданных" соратников ни на миг не захотел сохранить систему в неизменном виде (все

это, кстати, было очень похоже на поведение членов Политбюро через 30 с лишним лет, в начале перестройки). Разумеется, точно так же ни один из них не помышлял тогда и о радикальной ломке системы, но, вступив почти инстинктивно на "наклонный путь" реформ, они, сами того не ведая, отметили начало конца социализма. Но на этот раз часы уже не остановились, тикали до самого "последнего звонка" 21 августа 1991 года.

Почти 40 лет шло накопление сил и средств для столь необходимого стране и такого запоздалого "термидора". Прежде всего накапливались морально-идейные силы, но также и социальные, материальные.

Дело в том, что, как только каток репрессий перестал тотально перемалывать все живое, в стране, внутри оболочки прежней системы в 50 — 70-е годы начало вызревать, формироваться гражданское общество. Относительно стабильная социальная ситуация, медленно растущий жизненный уровень – все это привело к быстрой кристаллизации отдельных социальных групп. В 30–40-е годы по территории страны между бараками и казармами "гоняло облако" "лагерной пыли" – по обе стороны колючей проволоки, это и называлось "обществом", где человек был песчинкой. В 50 — 70-е годы образовываются социальные структуры. Конечно, внутри советского государства гражданскому обществу было примерно так же уютно, как Ионе во чреве кита, и все-таки общество складывалось.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Сила коммунистической системы – ее внутренняя монистическая логическая целостность – обернулась страшной слабостью. Система и заваливаться стала "системно" – последовательно и необратимо. Раз идеология больше не предохраняла от коррозии – "процесс пошел". Прежде всего коррозия коснулась несущей опоры системы – политической диктатуры. Все внешние атрибуты сохранялись, но сущность менялась принципиально.

Избавившись от Сталина, номенклатура, навсегда сохранившая страх перед кровавой купелью своего рождения, сделала главное – постаралась обезопасить себя от возможности новых "незаконных репрессий". Именно этим страхом был продиктован доклад Хрущева на XX съезде – доклад, с которого и начались шестидесятники – "дети XX съезда". Здесь был гуманистический, идеалистический аспект и аспект самосохранения номенклатуры, причем представлены они были слитно, нераздельно. Так был сделан важный шаг от тоталитарной диктатуры к авторитарному режиму, провозглашено нечто вроде манифеста Петра III "О даровании вольностей дворянству". Новое дворянство прежде всего заботилось о себе: было принято негласное, но жесткое положение, гарантирующее личную и имущественную безопасность, неприкосновенность жилища и т.д. номенклатуры. С этой нигде не зафиксированной "хартии вольностей" номенклатурных баронов началось формирование стабильного общества.

Вслед за минимальной личной безопасностью номенклатуры нечто подобное снизошло и на ее подданных, "простых советских граждан".

А когда появляется стабильность, когда как-то решена проблема безопасности, на первый план неизбежно выходит проблема собственности. Пошла деформация "экономического базиса" социализма.

Началось личное накопление. Оно было слишком скромным, чтобы называться первоначальным, но это было предпервоначальное накопление. У определенных категорий граждан накапливались уже не предметы потребления, а капиталы, пока не имеющие "выхода", приложения. Номенклатура, торговые работники, теневики, генералы ВПК, отдельные преуспевающие работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов. Впрочем, не так уж эти предкапиталы были скромны, например, по свидетельству А.С.Черняева (помощник Горбачева), в 1986 г. у председателя Союза писателей СССР Г.Маркова было состояние около 14 миллионов рублей (по покупательской способности 1994 года – примерно 40–50 миллиардов рублей. Думаю, что даже сегодня таким личным капиталом немногие могут похвастать...).

Но решающее значение имело не само по себе накопление материальных средств. Куда важнее, что менялись отношения собственности, менялась система управления госсобственностью.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновни-

ков, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев. Это еще не была номенклатурная приватизация, но пресловутое "чувство хозяина" уже появлялось (конечно, не у рабочих, а у тех, кто действительно многим командовал).

Когда распалась жестокая тирания, фактически ослаб и единый управляющий центр. Формально система оставалась жесткой, административно-командной, подчиненной ЦК, Госплану и т.д. На деле все было не так. Сильные директора, министры, секретари обкомов имели неформальное и значительное автономное влияние. Как писал В.Найшуль, "в стране действовала не командная система, а экономика согласований – сложный бюрократический рынок, построенный на обмене-торговле, осуществляемом как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на бюрократическом рынке происходит обмен не только и даже, пожалуй, не столько материальными ценностями... но и властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и вообще всем тем, что имеет какую-либо ценность. Согласие дирек-

тора предприятия на увеличение плана может быть обменено, например, на улучшение его служебного реноме, дополнительную партию труб и незаконное разрешение нарушить одно из положений инструкции".

Аналогичный "бюрократический рынок" есть и был всегда. Но в нормальной рыночной экономике он занимает подчиненное положение по отношению к рынку, где действует закон цены. Бюрократический рынок – это то, что остается от обычного рынка, если нет частной собственности, если "вычесть" из рыночных отношений деньги, всеобщий эквивалент (аналогия – жесты и мимика занимают подчиненное положение, если есть речь. У немых жесты занимают первостепенное место). Бюрократический рынок – основной вид рынка при "азиатском способе производства", хоть как-то регулирующий, самонастраивающий эту систему. Развитие или подавление бюрократического рынка обозначает границу между авторитарным, "азиатским", "империалистически-социалистическим" (Ленин) и тоталитарным строем (Сталин).

До государственного капитализма было еще далеко, но пружина начала раскручиваться, монолит покрывался все новыми трещинами. И чем интенсивнее развивался бюрократический рынок, тем в большей степени его субъекты осознавали себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Вот это "предгражданское" общество – уродливое, теневое, с сильным криминальным оттен-

ком, олигархическое и т.д. — вызревало внутри Системы, давило и требовало каких-то перемен. Нужен был какой-то узаконенный выход для желания и возможности свободно управлять, а затем и владеть собственностью, своей личной, частной собственностью. Система была "беременна термидором" хотя бы в форме перехода к государственному капитализму. Вызревал этот запоздалый "термидор" медленно – свыше 30 лет. Но второй "термидорианский" кризис происходил уже в совсем иной обстановке по сравнению с периодом нэпа. Номенклатура на сей раз куда меньше боялась реставрации капитализма.

Социально директора и чиновники чувствовали себя абсолютно уверенно. Конкурентов в виде нэпманов, кулаков, "старой интеллигенции" не было (с "цеховиками" номенклатура заключала соглашения, но с позиции силы), поэтому ясно было, что социальные потрясения не пойдут на пользу другим классам, а если кто и выиграет, то как раз номенклатура.

Был и еще один индикатор, показывавший, как далеко зашло отчуждение номенклатуры от "ее" строя. Дело в том, что для описания дел в стране советская элита с конца 70-х годов пользовалась, как и весь народ, одним словом — "маразм". Конечно, объективно это было именно так. Но куда важнее, что номенклатура это сознавала. Факт осознания тоже доказывал, что ответственные группы номенклатуры созрели, готовы к переменам.

6

В сущности к концу 70-х — началу 80-х годов сохранилась лишь внешняя, дряхлая оболочка строя (блестящим ее символом было геронтократическое политбюро).

Держался грозный режим, запугавший весь мир и сам запуганный до смерти, на инерции, защищался от слепящего света разума, кутая голову в рваный бабушкин капот идеологических ритуалов. Эти ритуалы еще в 30-е годы потеряли исходный и всякий другой смысл, превратились в анекдот. Впрочем, злее издеваться над ними, чем издевалась невольно сама номенклатура, было невозможно. Когда секретари обкомов, министры, генералы и председатели колхозов-миллионеров пели, что они "голодные рабы" и "кипит их разум возмущенный и в смертный бой вести готов", никакой Жванецкий более злой, убийственной насмешки, никакой Ионеско более сюрреалистической сцены придумать бы не смог. Поэт говорил: "И, как пчелы в опустевшем улье, дурно пахнут мертвые слова". Саван мертвых идеологических заклинаний, который накинули на страну, в котором барахталась страна, распространял вокруг себя зловоние. Все видели, что король голый, более того, мертвый. Третий компонент системы, некогда придавший ей целостность и оригинальность, — антикапиталистическая, антисобственническая идеология — деградировал быстрее всего.

Во всяком случае члены номенклатуры 60 — 80-х годов в отличие от большевиков уж точно

не ощущали себя суровыми якобинцами. Пуповина, соединявшая их с официальной коммунистической, антисобственнической идеологией, держалась еле-еле, на честном партийном слове.

В 70-е годы с набатной силой и неотвратимостью зазвучал “антисоветский” призыв Александра Исаевича Солженицына: “Жить не по лжи!” В условиях того времени это значило: жить не по законам “коммуномаразма”. Солженицын писал вождям: “Отпустите же эту битую идеологию от себя!.. Стяните, отряхните со всех нас эту потную и грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации...”

По сути дела писатель призывал к окончательной секуляризации государства, призывая очистить здание государства от облупившейся и полинявшей красной краски, которая когда-то была сакральной идеологией. Но может быть, здание одной краской и держится и без нее обвалится? С чем тогда останется живая номенклатура, отказавшись от мертвой идеологии? Не окажется ли она сама “битой”, ее реальная власть и богатство нелегитимными?

К радикальным переменам номенклатура была не готова, но локальных ждала с нетерпением. Я не верю легендам о том, что кто-то всерьез хотел продлить “гонку на лафетах” (так вышучивали похороны престарелых генсеков), избрав на царство очередного старца. Даже быстрота, с которой после смерти К.У.Черненко сообщили об

избрании М.С.Горбачева, доказывает, что официальная формула "единодушно" соответствовала на сей раз действительности. Г.Арбатов, находившийся в марте 1985 года в составе высокономенклатурной делегации ЦК КПСС в Нью-Йорке, вспоминал, что все члены ЦК говорили об одном — лидером должен стать М.С.Горбачев, и только он. И даже грозились, если что будет не так, выступить на пленуме ЦК. Но так думали и члены ЦК в Москве, все было именно "так". Когда же делегация в Нью-Йорке узнала, что пленум прошел, Горбачев избран, то "началось настоящее ликование. Я полушутя сказал своим коллегам: "Подождите радоваться, пока не сядем в самолет, у нас же национальный траур!"

Думаю, что в этом случае Г.Арбатову можно верить. Номенклатура (как и весь народ) ждала "обновления" и связывала его с Горбачевым.

Для перемен нужна была какая-то идеология. Если отбросить "сусловский марксизм", то в стране было две реально пользующиеся спросом идеологии: традиционный имперский великодержавный шовинизм "государственничества" и "социализм с человеческим лицом".

За первой идеологией стояла мощная традиция. Она веками была господствующей в стране, официальной. Ее господство не прервалось и в 1917 году. Секуляризация коммунистического государства, гибель коммунистической идеологии тем более, казалось бы, не мешали этой традиции. Коммунизм просто окончатель-

но, официально превращался в национал-большевизм.

Официальная идеология в ее чисто формальных определениях к началу 80-х годов (как и все предыдущие десятилетия) включала два совершенно разных компонента.

На уровне содержания – государственничество – сакрализация "твердой", авторитарной, самодержавной власти государства и его чиновников.

С точки зрения формы — псевдомарксистские ритуалы с их антикапиталистической, антисобственнической риторикой.

Предстояло лишь отбросить ветошь второго и облечь в новую форму, придать новый импульс первому. Вот и "жизнь не по лжи", а по вполне живой имперской традиции. Собственно, это и есть план наших сегодняшних "патриотов". Наряду с общей, необсуждаемой мощной традицией обожествления государства здесь были (и остались) дополнительные, привлекательные для многих психологические обертоны – ксенофобия, антисемитизм, имперское тщеславие и чванство. Наконец, эта идеология намертво спаяна с всемогущим ВПК, является для него "сакрально-лоббистской" идеологией. По всем этим признакам казалось, что победа гарантирована именно ей.

Но что легко на словах и убедительно логически, то невозможно на деле. Во-первых, холодная война, соревнование с американским ВПК были к середине 80-х уже безнадежно про-

играны, и это притом, что в топку "нашего бронепоезда" было брошено абсолютно все. В безумной системе вся высокотехнологичная индустрия работала только "на войну". В этих условиях реально наращивать силы ВПК можно было лишь при одном условии – если бы удалось научить всех жителей СССР одеваться исключительно в солдатские портянки, а питаться только машинным маслом для танков...

Но "державный ренессанс" был не просто технологически неосуществим. Гораздо важнее другое: он был социально-психологически невозможен, невыгоден для капитализирующейся номенклатуры.

Верно, не было никакой логической связи между собственно державным ("национальным") и коммунистически-антисобственническим ("большевистским") компонентами идеологии. Логически разделить их легко. Но была связь историческая, психологическая. В 1920–1930-е годы национал-большевизм возник как компромисс. Но так долго (почти 60 лет) развивался державный национализм в марксистской оболочке, что сросся с ней и сам не имел сил ее скинуть.

Иными словами, торжество национально-государственнической идеологии в 80-е годы могло выступить лишь как торжество национал-большевизма (= сталинизма). Для номенклатуры это традиционно ассоциировалось с "завинчиванием гаек" и с ограничениями свободы — свободы обогащаться. Персональными носителями такой идеологии выступали как раз самые

"крепколобые", "ортодоксы" сталинизма. Такая идеология была непопулярна не только в народе, но и среди партийно-хозяйственной номенклатуры и даже номенклатуры ВПК, которая мечтала наконец-то реализовать свои давно выношенные собственнические желания.

В этих условиях победа постепенно доставалась идеологии "социализма с человеческим лицом". Это "лицо" было единственной защитной маской, под которой сходился в 60 — 80-е годы конгломерат самых разных идей. И идеи, действительно близкие к утопически-гуманистическим вариантам "раннего Маркса", "истинного марксизма" (даже "истинного ленинизма" в противовес "плохому сталинизму"), и круг идей, близких к социал-демократии и даже к обычному либерализму, но прежде всего, конечно, банальная идея "общества потребления" с избавлением от "марксистского маразма" – все это переплеталось самым удивительным образом, высказывалось самыми разными людьми и социальными группами. Главным тезисом был отрицательный: отрицание маразматически задубелой постсталинской идеологии и системы и в противовес ей общий "прозападный" крен. Весь вопрос – кто что видел на Западе. Один – чехословацкую весну, другой – еврокоммунизм, третий – шведскую модель, все без исключения видели роскошные магазины и устроенный быт и очень мало кто – последовательно-либеральную политическую и экономическую систему. И если бы кто-то взялся объединить вместе таких раз-

ных людей, как "цеховик" из Грузии, дающий взятки секретарю обкома и мечтающий давать их дальше и расширять свое производство; правозащитник из Хельсинкской группы; консультант международного отдела ЦК КПСС, советующий проводить политику "детанта"; академический историк, пытающийся разобраться в фальсификации вокруг подлинной истории КПСС; валютчик, мечтающий об отмене соответствующей статьи УК; представитель "золотой" молодежи, учащийся в МГИМО и согласный бороться с капитализмом только в его цитадели; директор, желающий самостоятельно управлять и распоряжаться доходами со "своего" завода; чиновник Внешторга, с завистью глядящий на своих богатых западных партнеров (а то и берущий у них "подарки"), – если бы кто-то объединил их всех и сказал, что объективным конечным результатом их усилий вскоре станет ликвидация всех структур, с которыми они так или иначе связаны, появление в России политической свободы, рынка, начало капитализма, как сильно бы они все удивились.

В 1985 году шлюзы открылись, и все произошло именно так. Когда говорят о "неэффективности" рыжковско-горбачевских реформ, об их слишком медленном темпе, об упущенных возможностях, все время забывают главное – каков социальный адрес, социальный смысл реформ. Если иметь в виду, что социальный смысл был именно в "номенклатурной приватизации", то обвинения несправедливы – все делалось доста-

точно быстро, хотя и не слишком надежно. Другое дело, что только параноидальное мышление, везде ищущее “заговоры”, может представлять дело таким образом, будто поэтапно вступал в дело некий “тайный план” раздела, номенклатурной приватизации госсобственности. Разумеется, ничего подобного не было, быть не могло. Номенклатура в лучшие-то времена не была так прозорлива и, главное, едина, чтобы составлять и реализовывать подобные планы, а уж в ситуации раздела действовать по общему плану вовсе немыслимо. Нет, все делалось, как всегда в истории, методом проб и ошибок, но делалось, надо сказать, достаточно эффективно, так как выгода от “проб” доставалась бюрократии, а за “ошибки” расплачивалось государство. Номенклатура шла вперед ощупью, шаг за шагом – не по отрефлексированному плану, а подчиняясь глубокому инстинкту. Шла на запах собственности, как хищник идет за добычей.

7

То, что революция, спущенная сверху, была подхвачена низами и подхвачена под антиноменклатурными, эгалитарными лозунгами, вполне естественно.

Еще и в 1990 (!) году многие не верили в серьезность перестройки, считали ее обманным маневром, должным укрепить и сохранить традиционную советскую систему. Конечно, такой маневр был бы абсурдом, если иметь в виду все внешние атрибуты: политическую и экономическую систему, идеологию, империю и прочее, что

осознавалось как навязанное человеческой природе. В действительности перестройка выдавала усилия номенклатуры довести до совершенства систему бюрократического рынка, выдавала поиск новых названий старым вещам, новых теоретических оправданий своего господства, для чего было необходимо изменить фасад обветшалого строя, легализовать стихийно сложившиеся внутри системы отношения собственности, построить (или вывести из тени на поверхность) здание номенклатурно-бюрократического государственного капитализма. Реально это можно было сделать лишь под антиноменклатурными лозунгами.

Такова обычная судьба любой революции, которая осуществляется физически, разумеется, широкими массами, но в интересах, как правило, организованного (и обычно богатого и достаточно привилегированного и при старом режиме) меньшинства. Здесь была и определенная ирония, "тартюфовский" поворот революции, которая всегда обещает больше, чем выполняет. Известно, что многие активные демократы 1990–1991 годов испытали затем разочарование, иные из них, такие, как Ю.Власов, по этой причине стали яростными противниками реформ.

Но совпадения декларированных целей и результатов в политике не бывает, тем более при резких, революционных поворотах: чем круче, радикальнее, "честнее", "последовательнее" революция, тем более разителен разрыв между ее целями, намерениями, надеждами масс и реаль-

ным исходом. Тем более это верно, когда революция становится кровавой, необратимой. В 1990–1991 годах такая опасность была, однако ее удалось избежать. Настоящей (сравнимой по масштабу разрушений с тем, что мы привыкли понимать под этим словом) революции тогда, к счастью, не случилось. Можно вести терминологический спор, что тогда было у нас – мирная, “нежная” революция или радикальная эволюция государства, но в любом случае до взрыва дело не дошло. Я думаю, это результат целого ряда причин.

Во-первых, обстановка в мире. Мирная Европа не несла в себе того поля ненависти и агрессии, которое было во время первой мировой войны, породившей большевизм. Бархатные революции прошуршали в Восточной Европе, даже в Румынии не дошло до настоящей, большой революции. Больше всего это напоминало 1848 год – шквал “студенческих”, демократических, буржуазно-демократических революций. Несомненно, “западный ветер” оказал благотворное влияние на нашу страну. Самыми популярными, самыми популистскими, если угодно, лозунгами 1988–1991 годов были – за свободу и за рынок. В каком-то смысле это лозунги “общества потребления”. И наш избиратель наивно, а вернее, просто слишком нетерпеливо (хотя, в сущности, правильно) надеялся, что реализация этих лозунгов приведет его к такому же уровню жизни, как в “цивилизованном мире”.

Во-вторых, русский исторический опыт. На-

деюсь, за период 1900–1953 годов страна получила иммунитет против политического террора, против насильственных революций, перманентных или мгновенных. Не нашлось в 1988–1991 годах такой серьезной политической и социальной силы, партии, которая рискнула бы "звать Русь к топору".

Еще в 1969 году, пытаясь предсказать, что произойдет при неизбежном распаде советской системы, А.Амальрик писал: "В случае ослабления режима недовольство масс будет иметь ужасные последствия. Ужасы русской революции 1905–1907 и 1917–1920 годов покажутся тогда просто идиллическими картинками".

Этот "профилактический ужас" довлел в 1988–1991 годах над сознанием радикальной интеллигенции, которая хотя и раздувала общее недовольство режимом, но все время была настороже и во всех тех случаях, когда интеллигенты начала века жали на "газ", их внуки спешили нажать на"тормоза". Но такой же страх довлел и над сознанием большинства избирателей. Не зная, может быть, деталей, исторических подробностей, люди интуитивно чувствовали главное – хуже насильственной революции ничего быть не может. "Предчувствие гражданской войны", о котором пел известный бард Шевчук, так и осталось предчувствием.

В этой новой русской революции ни интеллигенция, ни народ не оказались в роли нетерпеливых самоубийц- экстремистов.

Надо отдать дань и политической ответствен-

ности Б.Н.Ельцина, сумевшего тогда возглавить движение и твердо удержать его в рамках, не дать разлиться бунтом, провести в 1991 году смену режима цивилизованно: по форме — революционно, по сути – компромиссно.

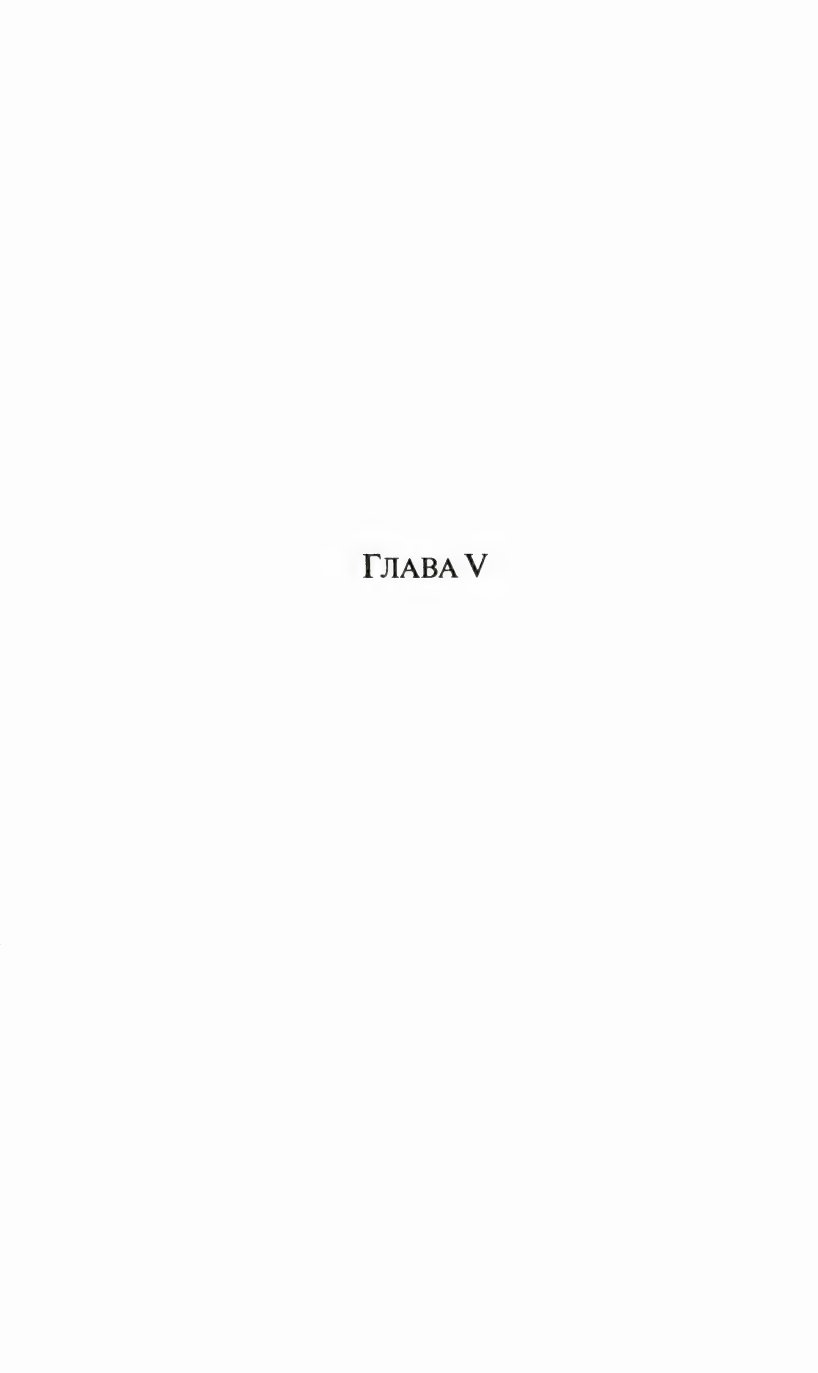
Наконец, в-третьих, сама номенклатура, решая свои задачи, достаточно умело маневрировала. Она показала себя более гибкой, чем можно было ждать. Практически перед народом не вставала та железная стена, которую надо свалить. Стена всякий раз легко прогибалась, оказывалась "резиновой", что делало бессмысленными насильственные действия, и, наоборот, вполне естественной и достаточной становилась "нежная" революция.

Страх и исторический опыт довлели над номенклатурой. Но главное, ей было легко "поступаться принципами", ибо у нее давно их просто не было: декларируемые принципы ей давно были смешны и противны, а своими интересами она отнюдь не поступалась, наоборот, успешно их реализовывала. В итоге удалось добиться, может быть, не самого эффектного, но, пожалуй, самого эффективного для страны политического результата в XX веке – решительного, но мирного, эволюционного по сути, хотя и революционного по форме, изменения. Другое дело, что возникший в итоге компромиссный режим имеет массу противоречивых и потенциально опасных сторон.

И главный вопрос, который тогда остался открытым: какой строй мы строим, куда идем "с

вершин социализма" — в открытую рыночную экономику "западного типа" или же в номенклатурный капитализм, еще одну разновидность "империализма", описанного Лениным, и "азиатского способа производства", о котором говорил Маркс.

Этот вопрос предстоит решать нам сегодня, это – наш выбор.

Глава V

Первоначальное накопление

Ты рядом, даль социализма.
Б.Пастернак

1

СЕГОДНЯ мы можем подвести предварительный итог социально-экономическим переменам последних лет.

Если постараться обобщить их в виде формулы, то ее можно представить как обмен власти на собственность.Это так и совсем не так. Именно эта формула выявляет основное социально-экономическое и политическое противоречие нашего времени.

Обмен номенклатурой власти на собственность... Звучит неприятно, но, если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х годов соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства. Альтернатива – взрыв, гражданская война... с последующей диктатурой новой победившей номенклатуры.

Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно "выкупить". Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиня-

ясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности. Дальше свои позиции каждому владельцу придется подтверждать делом. В любом случае такой обмен власти на собственность означал бы шаг вперед от “империализма” к свободному, открытому рынку, от “азиатского способа производства” к европейскому, означал бы конец самой номенклатуры как стабильной, пожизненной, наследственной, не подвластной законам рынка политико-экономической элиты.

Это один вариант “обмена власти на собственность”. Он устраивал демократию, но не номенклатуру.

Номенклатуре (директорам, руководящим чиновникам Совмина, генералам ВПК и КГБ, секретарям обкомов и райкомов и т.д.), которая действительно ради обретения собственности шла на смену системы, поступалась частью своей административной власти, нужен был другой вариант обмена: приобрести собственность и сохранить гарантию власти. Им нужно было, чтобы собственность в стране двигалась не под влиянием рыночных законов, а по-прежнему в магнитном поле власти.

Номенклатура хотела растащить систему (госсобственность) по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантию власти над собственностью. Номенклатур-

ный птенец проклевывается из твердой скорлупы – там ему тесно, но вне яйца – страшно.

Тут, кстати, нет ничего специфически номенклатурного. Многие мечтали об "очень частной" собственности – частной для себя лично, для своего клана, по способу управления, владения, распоряжения доходами и государственной для всех остальных. Известный и вполне конкурентоспособный наш предприниматель М.Юрьев пишет: "Интересам крупного капитала в отличие от мелкого и среднего, а также основной массы населения в наибольшей мере отвечает полулиберальная экономика: либеральная для него, но не либеральная для других". Если же такой "крупный капитал" изначально образует правящий класс, связанный старыми властными отношениями, то он будет пытаться твердо реализовать свои интересы.

Идеальная формула для бюрократии звучит так: прибавить к власти собственность! За основу рынка следует взять старый "бюрократический рынок", где позиция участника определяется его чином, административной властью, но научиться извлекать из этого рынка настоящие денежные доходы. На нашем "новоязе" это называлось довольно точно – "регулируемый рынок". Регулируемый номенклатурой. Провести разгосударствление таким образом, чтобы в результате, перефразируя ленинское определение империализма, производство (расходы на производство и риск) осталось общественным, но присвоение стало частным. Сохранить основу

государственно-монополистического капитализма, империализма. Приватизация официально не провозглашается, открыто не проводится, но реально она идет "совершенно секретно", идет только в своем кругу, для своих.

На первом этапе развитие выглядит примерно так: контроль над собственностью сохраняется в руках государства (бюрократии), но зато контроль над самими бюрократами государство ослабляет, а фактически утрачивает. Или другими словами: чиновники пользуются по-прежнему огромными возможностями в управлении и распределении ресурсов (как слуги государства), но в отношениях между собой, внутри государственной системы, переходят на откровенно рыночный язык, уже без особого камуфляжа торгуя друг с другом и с бизнесменами, включенными в номенклатурный круг, финансовыми (льготные кредиты) и природными (квоты, лицензии) ресурсами, которыми они распоряжаются, основными фондами и продукцией "своих" предприятий и т.д. Когда-то автор термина "административно-командная система" предложил, чтобы каждый чиновник вполне официально получал "маржу" – определенный процент с разрешенной им торгово-финансовой операции. Видимо, так известный экономист представлял формирование рынка... "при самой системе". Если под "официально" понимать "гласно", то на это номенклатура совершенно не согласна, если же "официально" значит по твердой таксе, по строгим правилам, то это действительно со-

ставляло их мечту, которую они и реализовывали.

Так складывалось поистине идеальное для бюрократии решение: по способу присвоения они оказываются в роли владельцев, "сами себе капиталисты", но по степени ответственности они не только не капиталисты, но даже и не традиционные чиновники – дисциплина предельно ослаблена. Если же прибавить к этому еще одно: создание при различных госпредприятиях своих (принадлежащих родным и близким директоров) кооперативов, ТОО, МП, СП и т.д., экономический смысл которых "обналичивать", "отмывать" деньги для номенклатуры, то получается поистине гениальное решение. Открыты все пути для обогащения, сломаны все рычаги ответственности. Это положение "приказчика", "слуги государства" при том условии, что хозяина нет, государство парализовано.

Конструкция системы была в действительности очень простой. Открыто действует старый бюрократический рынок, но при нем, находясь в подчиненном по отношению к нему положении, формируется и нормальный экономический рынок. Однако этот последний фактически выполняет лишь "подсобную" роль – отмывает деньги, помогает постоянно "конвертировать" властные полномочия чиновника в деньги. В сущности это была административно-командная система, научившаяся эксплуатировать рынок (точнее, создавшая "под себя" рынок, чтобы его эксплуатировать).

Ничего нового конечно же в этом не было. Поучительно сравнивать эту конструкцию с бюрократическим рынком времен нэпа, описанным, скажем, Ю.Лариным в 1927 году. Перечисляя (разумеется, с прокурорской интонацией) “12 способов нелегальной деятельности частных капиталистов”, он выделяет самое главное – наличие “соучастников” и “агентов” в государственном аппарате. “В составе государственного аппарата был не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый, может быть, всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые... служа в хозорганах, в то же время организовали различные предприятия или на имя своих родственников, компаньонов, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов, где они служили. Совершив такую перекачку, они обычно оставляли вовсе госорганы и “становились на собственные ноги”. Далее он пишет: “Под лжегосударственной формой существования частного капитала я имею в виду то, когда частный предприниматель развивает свою деятельность, выступая формально в качестве государственного служащего, состоя на службе и получая служебные полномочия... На деле тут имеется договор между частным поставщиком, частным подрядчиком, частным заготовителем и государственным органом. Но формально этот поставщик, подрядчик, заготовитель и т.д., считаясь государственным слу-

жащим, действует не от своего имени, а от имени госучреждения... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами, принадлежащими государственному органу, а в действительности он частный предприниматель, состоящий только в договорных отношениях с государственными органами".

Любопытно, что совокупную величину частного капитала этих "нескольких десятков тысяч" Ю.Ларин определяет в 350 миллионов золотых рублей 1923 года, т.е. в современном масштабе цен приблизительно около 5 триллионов. Несомненно, что сегодня (и даже в 1990–1991 годах) размеры частных капиталов в России значительно больше. Но если суммы разнятся, то механизм образования схвачен довольно точно. Фактически с 1988 года большая, все растущая часть государственной экономики вполне могла считаться "лжегосударственной формой существования частного капитала". А еще через несколько лет эта форма стала доминирующей.

Не сразу, шаг за шагом пришли примерно к такой ситуации где-то к 1990 году. Но каждый шаг приносил новые выгоды номенклатуре. Вехами были и закон о кооперации, и выборы директоров, и понижение их ответственности перед министерствами (параллельно общее снижение до нуля так называемой партийной дисциплины, на которой держалось все в государстве), и изменение правила, после которого предприятия получили возможность "накручивать" зарплату и исподтишка взвинчивать цены на свою

продукцию, притом что формально цены отпущены не были. Период "позднего Н.Рыжкова" и В.Павлова, с 1988 по 1991 год, с моей точки зрения, — самый "золотой" период для элитных политико-экономических групп. Не случайно основы большинства крупных состояний и фирм, которые доминируют у нас и сегодня, были заложены именно в те годы.

Основные социальные группы, резко разбогатевшие тогда, хорошо известны: часть чиновников и директорского корпуса, руководители "избранных" кооперативов, по тем или иным причинам получившие изначально крупные государственные деньги, "комсомольский бизнес". Именно эти группы аккумулировали первые капиталы, с которыми они спешно создавали "независимые банки", компании по торговле недвижимостью, захватывая (точнее, формируя) самый выгодный рынок.

Надо сказать, что эти "пионерские группы" были достаточно замкнутыми, могли сказать про себя: "Чужие здесь не ходят". Разумеется, в условиях бума обогащения сохранить герметичность нереально, как нереально и в полном порядке старой номенклатуре, не ломая строй, переместиться в первые ряды рыночной элиты и плотно оккупировать возникающий рынок. Но благодаря крепкому административному контролю за "раздачей" больших льгот (а значит, состояний) это в значительной мере удалось. По крайней мере существенного перемещения "больших денег" после 1991 года не было. Хо-

зяйственная элита, возникшая к тому времени, оказалась достаточно стабильной. Параллельно возникали и новые группы политической элиты: смесь "перестроившейся" старой номенклатуры и тех, кто рискнул броситься в большую лотерею, открывшуюся с началом первых в истории России свободных выборов.

Должен сказать, что вопреки распространенным в печати стонам и крикам размах номенклатурного разворовывания в 1990–1991 годах намного превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992–1994 годах. Отдельные крупные "панамы" (чеки "Урожай-90", например) не имеют тут решающего значения. Дело не в тех или иных скандалах, которые всегда были и будут, а в системе. Система 1990–1991 годов с полной неопределенностью в правах на лжегосударственную собственность, с полной безответственностью (да тут еще и два параллельных центра власти – Кремль и Белый дом, а для "окраинных" республик – Кремль и местная власть) была как будто (или на самом деле?) специально создана, чтобы, не боясь ничего, не стесняясь ничем, обогащаться. Номенклатура вышла на "нейтральную полосу", "ничейную землю", где можно было делать все, и мечтала лишь оставаться там подольше.

В те годы много ругали Ленина, но именно тогда блестяще подтвердилась данная им характеристика государственно-монополистического капитализма (империализма) как хищнического, паразитического, загнивающего. Эффективность этого посткоммунистического империа-

лизма оказалась столь велика, что страна действительно приблизилась к грани экономического коллапса.

Такова цена стихийно складывавшегося исторического компромисса. Номенклатура для своей выгоды, по своему размеру, в естественном для себя темпе строила капитализм. Но именно это и позволило всей стране (в том числе под демократическими, антиноменклатурными лозунгами) мирно, без гражданской войны пройти значительную часть объективно необходимого пути к рынку.

К концу 1991 года мы имели гибрид бюрократического и экономического рынка (преобладал первый), имели почти законченное (именно за счет принципиальной юридической неопределенности в отношении формальных прав собственности) здание номенклатурного капитализма. Господствовала идеальная для бюрократического капитализма форма — лжегосударственная форма деятельности частного капитала. В политической сфере — гибрид советской и президентской форм правления, республика посткоммунистическая и преддемократическая.

И пока господствующие классы успешно решали свои проблемы, хозяйство разорялось дотла. Конечно, ненужной промышленной продукции выпускалось в конце 1991 года почти в 2 раза больше, чем сейчас (осень 1994 года), только магазины были пусты, деньги (советские дензнаки) не работали, приказы не выполнялись, нарастало ощущение "последнего дня". Речь шла

об угрозе голода, холода, паралича транспортных систем, развала страны.

2

Вот в эти дни и начались “пожарные реформы” и была призвана команда “камикадзе”.

Нас позвали в момент выбора. До этого времени номенклатурная приватизация развивалась по классическому при “азиатском способе производства” сценарию: приватизация как тихое разграбление сатрапами своих сатрапий. В Средние века этот процесс мог тянуться десятилетиями, при современных темпах хватило и трех лет (1989-1991), чтобы увидеть дно колодца. Но принципиальные черты остались те же: келейная, паразитическая приватизация без включения рыночных механизмов и смены юридических форм собственности. Официально на 1 января 1992 года в России было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых и ресторанов, 36 предприятий службы быта. Реально – по способам распоряжения собственностью, извлечения доходов и т.д. — номенклатурой была приватизирована практически вся сфера хозяйства. Но после успешного завершения номенклатурой приватизации страна была на краю гибели. Это отлично понимала даже номенклатура, ведь она жила и обогащалась в “этой стране” и потому была готова к уступкам... небольшим. Такая приватизация всегда кончалась в восточных обществах одинаково: взрывом и новой диктатурой. Общий цикл социального развития этих обществ: диктатура – разложение (приватизация) – взрыв –

новая диктатура. Взрыв маячил. Парадокс: именно тогда, когда психологическое доверие к демократической власти было как нельзя велико, мы объективно как нельзя ближе подошли к опасной черте "грозящей катастрофы" и "борьбы с ней" известными методами.

Понимая всю остроту ситуации, мы понимали и то, что есть возможность повернуть в другое русло. Из номенклатурного беспредела, до которого мы дошли, есть два выхода – взрыв (новая диктатура) или "расшивание" социального пространства, переход от бюрократического к открытому рынку, к включению его механизмов, от скрытой, "номенклатурной", к открытой, демократической, приватизации, от государственно-монополистического капитализма – к "открытому" капитализму, что в те дни и было сделано.

Если до конца 1991 года обмен власти на собственность шел в основном по нужному номенклатуре "азиатскому" пути, то с началом настоящих реформ (1992 г.) этот обмен повернул на другой, рыночный путь.

Введение свободных цен, указ о свободе торговли, конвертируемость рубля, начало упорядоченной приватизации, если их расценивать с социально-экономической точки зрения, означали следующее.

Без насильственных мер, без чрезвычайного экономического положения удалось мягко изменить систему отношений собственности, катастрофическую систему конца 1991 года.

Я принципиальный сторонник сочетания:

жесткие стратегические цели и мягкие тактические средства их достижения. Примером можно считать политику начала 1992 года. Цель была ясной: восстановить управляемость экономики, введя в сложившуюся систему организующие, объективные правила игры. Возможен лишь один ход: ввести в действие объективные законы экономики, которые ограничат сложившийся к тому моменту беспредел. Тактически это было "мягкое" средство: оно механически не нарушало сложившийся баланс социальных сил. Директоров и министерских чиновников никто не снимал, не арестовывал их счета, не изымал коммерческую переписку, их положение, средства, связи оставались при них. Их ограничивал отныне не административный произвол, а закон рынка, закон цены. Когда мне говорят "болельщики со стороны", что нельзя было отпускать цены, не проведя предварительно демонополизацию, я хочу их в ответ спросить: как они представляют себе демонополизацию, когда в экономике нет никакой рыночной среды, не действуют вообще никакие законы, ни административные, ни экономические?..

Позволю себе процитировать одну статью, где достаточно точно зафиксирована моя рефлексия по поводу начала реформ: "Мы начинали реформы в очень интересной ситуации, когда можно долго перечислять, чего у нас не было и почему реформы проводить нельзя. Я сам мог прекрасно объяснить, почему в 1992 году их проводить нельзя. Не было стабильной поддержки в парла-

менте, не было нормальных, дееспособных институтов власти... они были поражены кризисом власти начала 90-х годов. Шестнадцать центральных банков вместо одного, не было традиций частного предпринимательства, не было сильного частного сектора, как в Польше. Не было ни копейки валюты, золотого запаса, не было возможности привлечь свободные ресурсы на международном финансовом рынке. Но плюс к этому у нас не было возможности ждать, ничего не делать и объяснять, почему ничего нельзя делать".

Введение свободных цен стало важным шагом из царства бюрократической свободы в царство рыночной необходимости. Фиговый листок "лжегосударственности" стал спадать с номенклатурной собственности. Директора, другие чиновники продолжали пользоваться доходами по своему произволу, не неся административной ответственности, но теперь начали работать законы рынка, с которыми они вынуждены были считаться. Не было (и сейчас еще больше декларируется, чем действует) процедуры банкротства предприятий. Но ведь зарплату-то рабочим платить желательно. Проблема финансов встала перед директорами.

Не место на иерархической лестнице, а деньги становились действительно всеобщим эквивалентом экономических отношений. У нас начала складываться нормальная финансовая система вместо прежней системы печатания и распределения денег "по разнарядке".

Открытая приватизация – поворотное историческое дело, мирный, цивилизованный эквивалент революции. Поэтому остановлюсь на "истории с приватизацией" подробнее.

3

С самого начала было ясно, что к числу важнейших факторов, которые придется учитывать, разрабатывая программу приватизации для российской экономики, относятся:

1. Беспрецедентные масштабы задач. Необходимость добиться серьезных сдвигов в максимально сжатые сроки, чтобы подкрепить либерализационные и стабилизационные мероприятия структурой собственности адекватной рыночной экономики.

2. Слабость отечественного легального частного сектора. Он зародился лишь в последние годы перестройки, историческая легитимация накопленных в нем капиталов отсутствует, общественное сознание тесно связывает его с бывшей теневой экономикой.

3. Ограниченная роль иностранного капитала. При масштабах российской экономики и высоком уровне социально-политического риска ставка на массовое привлечение иностранных инвесторов в российской приватизации была явно нереалистичной.

4. Отсутствие претензий бывших собственников. Большая историческая протяженность социализма в России сняла традиционные для Восточной Европы проблемы реституции собственности.

В этой ситуации принципиальные решения были по существу заданными. Это, в частности:

— отказ от индивидуального подхода к приватизации предприятий, попыток реорганизовать их до изменения структуры собственности. Максимальный упор на использование универсальных процедур и стандартных правил, с тем чтобы ограничить зависимость процесса от индивидуальных решений аппарата управления;

— упор на создание приватизационных коалиций, позволяющих инициировать массовый приватизационный процесс снизу, стремление интегрировать интересы тех социальных групп и политических сил, которые способны его парализовать, если не увидят в нем своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти и т.д.);

— отказ от попыток в массовых масштабах совместить приватизацию и рекапитализацию предприятий, сразу сформировать эффективную структуру собственности;

— параллельное закрепление прав всех граждан России на приватизируемое имущество и создание дополнительного спроса на него.

Уже в конце декабря 1991 года были обсуждены в правительстве, утверждены указом Президента и направлены в Верховный Совет разработанные исходя из этих положений основные принципы программы приватизации. Началось формирование мощной федеральной структуры, способной справиться с непростыми организационными и правовыми задачами. Считаю не-

сомненным успехом, что во главе всей этой огромной работы с самого начала стал А.Чубайс, пожалуй, самый талантливый организатор и администратор в нашей команде. Широкий круг специалистов, и российских, и зарубежных, был привлечен к разработке десятков необходимых нормативных документов. В феврале началась пробная отработка механизмов аукционной продажи при приватизации торговли, сферы бытового обслуживания. С марта процесс малой приватизации сначала медленно, с трудом, с сопротивлением, затем все набирая скорость охватывает российские регионы. Попытки работников государственной торговли поднять народ на протест против аукционной продажи под лозунгом сохранения священных прав трудовых коллективов массовой поддержки не получили. Люди слишком хорошо познакомились с этими “правами” за время дефицита.

Мы исходили из того, что экономически оптимальных решений достичь практически едва ли удастся. В долгосрочной перспективе экономически оптимальным может стать то, что сегодня является максимально социально приемлемым и устойчивым. В этом суть программы приватизации, которую весной 1992 года правительство с огромным трудом пропихнуло через Верховный Совет, растрачивая остатки первоначального политического капитала реформаторского курса.

Предложены были варианты приватизации, обеспечивающие возможность реализации пре-

тензий трудовых коллективов (льготная продажа части акций по остаточной стоимости), директоров (опционы для руководителей предприятий), местных органов власти (направление доходов от приватизации в первую очередь в региональные бюджеты), рядовых граждан, не занятых в хозрасчетном секторе (бесплатная приватизация за чеки). Далеко не идеальный, но работающий компромисс, позволяющий добиться широкого, упорядоченного распределения собственности, открыть дорогу рыночному механизму ее эффективного перераспределения.

В ходе обсуждения в Верховном Совете одной группе все же удалось склонить чашу весов в свою сторону. Был введен новый вариант приватизации, открывающий возможность для трудовых коллективов выкупить по остаточной стоимости 51% акций предприятий. Это сильный удар по интересам граждан. Верховный Совет умудрился обесценить приватизационные чеки еще до того, как они были выданы. Но еще важнее другое: после приватизации предприятия приобретают характерные черты "промышленных колхозов". Установленные Верховным Советом ограничения на переоценку имущества, покупаемого трудовыми коллективами по остаточной стоимости, существенно снизили возможные доходы от приватизации.

Правительство оказалось перед выбором: упорно стоять на страже чистоты замысла, затормозив процесс распределения прав собственности, или согласиться с этими корректировками,

понимая, что формирующаяся структура собственности будет далека от оптимальной. Потеря темпа была бы непозволительной роскошью. Решение в пользу скорейшего запуска далекого от совершенства, но позволяющего начать движение вперед механизма приватизации во многом предопределило дальнейшее развитие экономических реформ в России.

Первоначально законодательством о приватизации введение наличного платежного средства – приватизационного чека – не предусматривалось. Предполагалось открыть систему именных приватизационных счетов, вести операции с этими счетами.

С самого начала стало ясно, что попытка реализовать этот вариант ведет к неразрешимым техническим проблемам – нужно формировать вторую систему сберегательного банка, требуются огромные вложения в расширение его сети, колоссальные деньги и время. Пойти по этому пути значило отсрочить реальное начало преобразований собственности по меньшей мере на год. Альтернатива была предельно простая. Либо мы начнем эту техническую работу и упустим короткий исторический момент, когда можно реально провести процесс распределения собственности, либо обходим эти ограничения и начинаем быстро продвигаться вперед.

Бедой многих приватизационных программ, реализованных в государствах Восточной Европы и в республиках бывшего Союза, стала неликвидность приватизационных инструментов.

Как только люди понимали, что им дали что-то, что никто не покупает и не продает, им немедленно становится ясно, что все это пустое. Поэтому принципиально важным было сделать приватизационный чек ликвидным, свободно продаваемым. Именно это сделало ваучер живым инструментом.

Вопрос, какой номинал ставить на ваучер, вообще-то беспредметен. Он не имеет никакого значения, кроме социально-психологического. Этот документ – часть права на приватизируемую собственность, и его реальная оценка не зависит от того, что на нем написано. Она определяется объемом приватизированного имущества, уровнем финансовой стабильности, теми льготами, которыми обладают трудовые коллективы. В конце концов из соображений простоты остановились на номинале в 10 000 рублей.

Мы прекрасно понимали, что 148 миллионов людей сразу, получив ваучер, не поменяют своей психологии, не станут собственниками. И в то же время этот инструмент позволил изменить механизм распределения собственности в России. Психология собственника будет формироваться в нашей стране на протяжении многих десятилетий, ее не создашь по заказу, решением о выдаче приватизационных чеков. Но такое решение формирует рынок собственности. Именно здесь основной социальный смысл приватизации.

Келейная, чисто номенклатурная приватизация отныне сломана. Да, рынок собственности

не является равным и открытым – “одним махом” зачеркнуть все сложившиеся имущественно-властные отношения невозможно, да и не нужно, как невозможно и ненужно ломать уже сформированные представления о легитимности тех или иных прав собственности. Приватизация как раз создает мягкий, пластичный механизм смены собственников, по крайней мере возможности такой смены.

Пусть в результате первого этапа приватизации в образовавшихся “промышленных колхозах” командуют прежние директора, являясь, как и раньше, фактическими владельцами предприятий. “Номенклатурным” или “свободным” рынок собственности является отнюдь не в зависимости от анкет наиболее сильных групп собственников. Любой “анкетный расизм” – деление на “плохих” и “хороших” в зависимости от национальности, происхождения, предыдущей работы и т.д. – и отвратителен, и бессмыслен. “Номенклатурный рынок” – это не рынок, где командуют бывшие члены номенклатуры, “номенклатурная приватизация” – не приватизация, при которой права хозяев получает экс-номенклатура. Речь не о персоналиях, а о системе, не об актерах, а о ролях и правилах игры в экономическом театре. Каковы правила на рынке – открытые, писаные, экономические, рыночные, подчиняющиеся закону свободной конкуренции или же по-прежнему тайные, телефонные, административные, скованные властными отношениями, ориентированные на государственно-

бюрократическую машину? Вот где критерий различения “номенклатурного” и “свободного” рынка, “номенклатурной” и “рыночной” приватизации. Если в систему свободного рынка входят, начинают играть по ее правилам члены номенклатуры, система от этого не становится номенклатурной. Также, если властные позиции на бюрократическом рынке займут и станут играть по его правилам бывшие диссиденты, рынок не станет демократическим.

Приватизация изменила юридические отношения собственности, размыла саму систему номенклатурно-бюрократического “рынка власти”. Произошла приватизация самой номенклатуры. Теперь она должна будет играть по рыночным законам, круговая бюрократическая порука если не распалась, то надломлена. Конечно, система, которая сложилась сегодня, переходная. Закончен лишь первый этап приватизации, но если на втором этапе действительно заработают уже принятые законы о банкротстве, если возникнет вторичный рынок ценных бумаг, начнется массированная продажа пакетов акций, принадлежащих государству, пойдет постоянный процесс чисто рыночного перераспределения собственности, тогда перемены примут необратимый характер, страна пойдет от “номенклатурного капитализма”, от смешанного рынка с сильными элементами бюрократического рынка, от лжегосударственной формы частной собственности к рынку свободному, к частной собственности. Важнейшим и необходимым этапом на

этом пути и была приватизация 1992–1994 годов.

4

Как известно, настоящей шоковой терапии у нас в 1992 году (не говоря уж про последующие годы) так и не было. Сбивание инфляции шло неровно, толчками, непоследовательно и потому особо мучительно. Чтобы понять, чем отличается "номенклатурный" капитализм от "полудемократического", достаточно сравнить два трехлетних периода: 1989–1991 и 1992–1994.

Первый период: при сравнительно небольшом падении производства, при сравнительно умеренной явной инфляции идет постоянный и безнадежный развал экономики и непрерывное падение жизненного уровня огромного большинства населения при сказочном обогащении номенклатуры – разграбление госсобственности. Отсюда и постоянно растущее социально-политическое напряжение.

Второй период: падение производства становится явным, так же как инфляция и рост цен. Экономические раны обнажаются, но с этого момента может начаться и лечение, а не "заговаривание". Да, жизненный уровень значительной массы населения продолжает падать, но ситуация уже меняется. Все более широкие круги населения начинают втягиваться в орбиту "полусвободного" рынка, у людей (особенно молодых, активных) появляется надежда, свет в конце тоннеля. Изменилась социальная ситуация: коммерческой деятельностью смогли заняться не десят-

ки, не сотни тысяч "избранных", а миллионы, десятки миллионов. Именно тут зародыш не класса миллионеров, а настоящего среднего класса. Вот что нокаутирует "непримиримую оппозицию" – не дубинки *ОМОНа*, а "невидимая рука" рынка, пусть и зажатого, изуродованного, но все-таки рынка. Чисто хищническая, паразитическая, самоедская экономика госкапитализма (социализма) начинает меняться.

Анализ экономической динамики последних лет в России, других независимых государствах, сформировавшихся на базе союзных республик, восточноевропейских стран дает результаты парадоксальные, на первый взгляд труднообъяснимые. Производство упало резко и повсеместно. В то же время потребительский рынок, полностью разрушенный к началу реформ, наполнился. По данным бюджетных обследований, потребление многих товаров, обеспеченность ими домашних хозяйств выросли. Это видно и не вооруженным статистическим инструментарием взглядом по тому, как люди одеты, как увеличилось число легковых машин, отнюдь не только "мерседесов" (например, в Москве в 1992–1994 годах число автомобилей увеличилось более чем в 2 раза), как недоступные ранее товары стали предметом массового потребления. Динамика производства как бы теряет связь с каждодневной жизнью людей.

В Белоруссии, проводившей политику медленного, "регулируемого" вхождения в рынок, падение промышленного производства меньше,

чем в других странах, зато средняя зарплата здесь на лето 1994 года была 20 долларов в месяц. В Эстонии и Латвии, проводивших классическую "шоковую терапию", падение производства больше, а средняя зарплата соответственно 110 и 125 долларов.

В течение января 1992 – августа 1994 года в России, по официальной статистике, происходило крутое падение промышленного производства и на его фоне – медленный рост розничного товарооборота, реальных доходов населения, затем сбережений, позитивное сальдо торгового баланса, рост валютных резервов. В нормальных рыночных экономиках такого просто не может быть. Конечно, рассчитывать, что такая ситуация продлится долго, невозможно. Но во всяком случае поучительно разобраться в причинах парадоксальной ситуации 1992–1994 годов.

Крайнее, запредельное уродство социалистической экономики – вот что в какой-то мере облегчило процесс ее реформирования. Если уровень жизни древнеегипетского крестьянина и был как-то связан с успехами власти в строительстве пирамид, то лишь обратной зависимостью. Социализм довел масштабы бессмысленной с точки зрения благосостояния общества экономической деятельности до уровня, о котором не могли и мечтать архаичные восточные деспотии, поднял строительство промышленных "пирамид" на уровень технологий XX века.

Производство вооружений было техническим, экономическим, социальным стержнем социа-

листической промышленности. Гражданский сектор свелся к функции подсобного хозяйства ВПК.

Именно оборонный сектор был крупнейшим потребителем высококачественных сталей, цветных металлов, химических продуктов, электронного оборудования. К концу 1980-х годов абсурдность происходящего уже бросалась в глаза, страна влезала в долги, правительство проматывало золотой и валютный запасы, потребительский рынок разваливался на глазах, снабжение продуктами питания все в большей мере зависело от импорта продовольствия и кредитов, которые коммунистические правительства униженно выпрашивали у Запада, а военно-промышленный комплекс продолжал готовиться к войне против всего мира.

Резкое сокращение производства вооружений не только позволило разорвать этот порочный круг и создать предпосылки экономического оздоровления, но и запустило механизм индустриального кризиса сверхмилитаризованной экономики, сделав неизбежным болезненный процесс структурной перестройки изготовлявших вооружения отраслей производства.

Гипертрофированный военный сектор – самый яркий, но отнюдь не единственный пример крупномасштабной, бессмысленной с точки зрения благосостояния людей экономической деятельности. СССР всегда заметно отставал от Соединенных Штатов по производству сельскохозяйственной продукции. Глубокий аграрный

кризис, обусловленный фатальной неспособностью колхозов и совхозов обеспечить эффективное сельскохозяйственное производство, пытались компенсировать, направляя в эту сферу всевозрастающий поток ресурсов. В общем к 1985 году, который можно считать "пиком" стабильного социализма, мы уже обогнали США по производству удобрений в 1,5 раза, тракторов – в 5, зерноуборочных комбайнов – в 16 раз, а зависимость от импорта американского зерна продолжала возрастать. Нетрудно оценить качество выпускаемых тракторов и комбайнов, эффективность их использования, понять, что в таком количестве их в принципе невозможно продать за деньги. В горы крашеного металлолома превращена продукция металлургов, шахтеров, химиков, энергетиков, транспортников.

Широко известный пример масштабной малопродуктивной деятельности, перекликающийся с циклопическими проектами восточных деспотий, – мелиоративное строительство позднего социализма. В 1970–1985 годах в РСФСР площадь орошаемых земель возросла втрое, в 1985 году на мелиоративные проекты направлялось вдвое больше средств, чем на производство промышленных потребительских товаров (группа Б). Никто так и не смог продемонстрировать позитивных результатов этой циклопической деятельности, выраженных в росте эффективности сельскохозяйственного производства. С поворотом к рынку резкое сокращение мелиоративных работ стало неизбежным, а за ним –

спад спроса на цемент, железобетон, строительную и железнодорожную технику, на металл для ее производства, топливо.

Постсоциалистическая экономика с трудом освобождается от огромного бремени бессмысленной хозяйственной деятельности, переворачивается с головы на ноги. Прогресс в этом – абсолютно необходимая предпосылка экономической стабилизации, прекращения инфляции.

Вместе с тем само по себе насыщение рынка товарами отнюдь не является самоцелью. Если дефицит ликвидируется по принципу "за нефть – сникерсы", то это внутренне деструктурированная, полая, тупиковая система в сущности самоедской экономики, бездумно паразитирующей на природных ресурсах, как паразитировала на них в свое время "экономика пирамид" при социализме, нестабильной, живущей на вулкане – финансовом, социальном. И невозможно угадать, когда вулкан возобновит свою активность.

В этом смысле крики наших оппонентов о "колониальной экономике", разрушении высоких технологий и т.д., разумеется, имеют под собой определенные основания. Но, как всегда, констатируя проблему, которую, прямо скажем, трудно не заметить, они дают неверные рецепты ее решения.

В принципе проблема ясна: необходимо постепенное восстановление переструктурированного производства. Только это даст надежную основу благосостояния, только это является стра-

тегическим приоритетом для России. Здесь ее исторический шанс быть страной первого мира.

До этого момента царит общее согласие. Спор начинается на следующем шаге: как добиться благосостояния?

5

В данной книге я не считаю возможным входить в экономические подробности. Для ответа на поставленный выше вопрос достаточно иметь в виду следующее.

Существует в принципе два разных источника финансирования экономики: государственные и частные накопления. Ясно, что в современных условиях будет использовано и то и другое. Вопрос в пропорциях.

Примат государственного финансирования в современной России является тупиковым по трем причинам: такое финансирование в обозримой перспективе непосильно для страны; оно экономически неэффективно; оно закрепляет уродливую социально-экономическую структуру.

Источник государственного финансирования в сущности один – налоги (включая, разумеется, сеньораж — доходы государства от денежной эмиссии, налог на денежные активы). Между тем сегодня в числе немногих фактов, признанных в России всеми, от коммунистов до либералов, то, что дальше повышать уровень налогового бремени некуда. Любые попытки двигаться в этом направлении приведут лишь к одному стандартному результату – уклонению от уплаты налогов, уходу хозяйственной деятельности в тень,

сокращению реальных финансовых поступлений в бюджет. Уроки наших соседей – Украины, Белоруссии, – пытавшихся идти в этом направлении, слишком близки и наглядны. Велико бремя финансирования доставшихся в наследство от социализма текущих проблем: от содержания социальной сферы останавливающихся предприятий до ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Перспективный финансовый анализ со всей убедительностью показывает, что надежды на крупномасштабное финансирование производства государством за счет налоговых поступлений беспочвенны.

Государство не лучшим образом распоряжается деньгами. После всего, что сказано выше, долго объяснять не нужно: средствами распоряжается бюрократия, не слишком озабоченная экономическим результатом для страны в долгосрочной или краткосрочной перспективе и куда больше думающая о своих "комиссионных".

Такое финансирование воспроизводит и консервирует паразитическую структуру "лжегосударственной" экономики. Бюрократические кредиты, циркулирующие на бюрократическом рынке для поддержания бюрократии... Финансовые вливания в огромной мере достанутся неэффективным гигантам, военно-промышленным "латифундиям". Такие кредиты похожи не на дождь, проливающийся на сохнущее растение, а на бурю в пустыне, инфляционную бурю в экономической пустыне, где стоят те самые промышленные пирамиды. Между тем мировой

опыт показывает, что самыми эффективными и экономически, и в плане технического прогресса являются как раз средние и мелкие частные фирмы с четко фиксированным индивидуальным владельцем (или двумя-тремя совладельцами). Именно совокупность миллионов таких фирм должна создать живую плоть растущей российской экономики.

Следовательно, возможности экономического роста в России теперь прямо и тесно зависят от масштабов частных инвестиций.

История первоначального накопления в нашей стране не написана, процесс продолжается. Как и во всем мире, накопление начиналось с экспортно-импортных операций, финансовых спекуляций, операций с недвижимостью, торговли.

Капиталы, в том числе вышедшие из золотой пены инфляции и финансовых спекуляций, не могут долго мирно лежать в сейфах. Естественно, что для российского капитала сфера приложения все-таки не Швейцария, а Россия. Капитал постоянно в поиске, он ищет сферу приложения, роста.

Для того чтобы уже созданные и вновь образующиеся состояния работали в России, стали ферментом роста ее экономики, необходимы два важнейших условия стабильности: устойчивая валюта и надежные гарантии неприкосновенности частной собственности безотносительно к властным или криминально-силовым возможностям ее владельца. Необходимо отделение соб-

ственности от власти и — что еще сложнее – власти, бюрократии от собственности.

Четкие законодательные гарантии частной собственности, практическая деятельность государства, направленная на обеспечение эффективности этих гарантий, поддержка мощных, хорошо организованных политических структур, готовых ее надежно защитить от угрозы конфискаций, – сегодня не вопрос идеологической рефлексии, а жесткое требование жизни, необходимая предпосылка экономического роста в России. Будут созданы такие гарантии – и Россия с ее безграничными возможностями эффективного вложения капитала двинется по пути динамичного экономического роста. Если в течение нескольких лет соблюдается юридический принцип неприкосновенности частной собственности, то он переходит в стереотип поведения, интериоризируется, из юридического принципа превращается в социально-психологический.

Проблемы отсутствия эффективных гарантий собственности особенно хорошо просматриваются в депрессивных российских регионах так называемого "красного пояса", где тяжелые структурные проблемы тянут вниз уровень жизни, усиливают позиции коммунистов, создают благоприятный фон становления бюрократического рынка, отпугивают частных инвесторов. В результате складывается порочный круг: депрессивность – отсутствие гарантий собственности – отсутствие частных капиталовложений – депрессивность. Суть вопроса в том, сумеем

ли мы вырвать из такого порочного круга Россию.

Второе условие: прекращение изматывающей лихорадки инфляции, стабильная валюта. Только ее наличие делает осмысленными долговременные инвестиции, в том числе в производственную сферу.

В действительности несложно увидеть связь между этими двумя проблемами на уровне политической и социальной стратегии. Если в экономике делается ставка на государство, то это значит: государственные инвестиции, как следствие поиска денежных источников — инфляция (губительная для частного бизнеса и государственной экономики, но не для бюрократии) и правовая нестабильность "конкурирующего" частного сектора, т. е. если смотреть с точки зрения социологической, если задать вопрос "кому выгодно?", то ответ очевиден. Экономика продолжает вращаться в заколдованном бюрократическом круге. Деньги своими бюрократическими каналами поступают производственным гигантам (прежде всего ВПК как вечному гаранту доминирования госсобственности), возглавляющей их номенклатуре и связанным с ней финансовым баронам. Причем поскольку ничьих денег не бывает, то фактический источник финансирования – средства, изъятые через систему налогов, включая и инфляционный налог на денежные сбережения населения, мелкого и среднего бизнеса, перекачка средств от зарождающегося среднего класса к избранной части

высшего класса. Пауперизация среднего класса ради сверхобогащения части правящей элиты.

Как результат – экономическая стагнация и социально-политические потрясения, верный путь в “третий мир”. Итог, в действительности убийственный и для бюрократической элиты, коль скоро она правит, обогащается, просто живет в этой стране. Но, преследуя сиюминутную личную “тактическую корысть”, кто же остановится от страха перед общим стратегическим поражением.

Если же условия стабильности частной собственности (в том числе и денежной) соблюдены, хотя бы в минимально необходимой степени, то капитал, подчиняясь закону сообщающихся сосудов, устремится в точки наиболее эффективного приложения. Чтобы понять, что концентрация таких точек в России с ее ресурсным и производственным потенциалом весьма высока, не надо быть профессиональным экономистом. Это относится и к тем средствам, которые “крутятся” сегодня в финансовых операциях внутри страны, и к миллиардам “русских” долларов, которые лежат в западных банках, и к серьезному западному капиталу, который тоже ищет новые сферы приложения.

Экономический подъем (как, впрочем, и кризис) похож на цепную реакцию. Если вложена “критическая масса” капитала, если началось массовое обновление основных фондов, начался рост благосостояния, то новые капиталы на-

чинают все быстрее втягиваться, ускоренно притекать к "зоне роста", таков уж закон рынка, в том числе мирового рынка капиталов, закон притяжения капитала.

А настоящий экономический подъем означает изменение социальной структуры нашего общества, долгожданное развитие среднего класса, тех миллионов владельцев маленьких частных фирм, которые только и смогут создать настоящий рынок, динамичное производство, растущую экономику России.

Убежден: общество сейчас психологически живет именно этими надеждами. Прошла наивная эйфория начала перестройки, вера, что после освобождения от коммунистов наступит сам собой потребительски-капиталистический рай. Люди повзрослели. Они готовы ради нормальной жизни не митинговать, не бунтовать, но работать. Сколько бы в ответах на социологические опросы люди ни говорили в мрачном, минорном тоне, уверен – пусть бессознательные, но ожидания скорого подъема есть, они доминируют, они скрепляют общество.

Но эти надежды не могут быть бесконечны. Если в ближайшем времени подъем производства, а значит, и уровня жизни реально не начнется, если вместо того, наоборот, страна вступит в новый длительный период стагнации, то тогда, бесплодно исчерпав "второй запас оптимизма" (первый кончился где-то в 1991 году), вновь почувствовавшее себя обманутым общество может взорваться самоистребительным,

самоубийственным бунтом или, что много вероятнее, впасть в глухую апатию.

В любом случае это сулит успех политическим авантюристам, а их прорыв к власти – это уже залог национальной катастрофы.

Сейчас в стране апатии нет. Я говорю не о политической апатии, а о вещи куда более важной, об апатии социальной. Наоборот, люди проявляют повышенную социально-экономическую и трудовую активность. Одно из главных завоеваний этих лет – с сонной одурью на работе, характерной для брежневского и предыдущих периодов, покончено. Правда, гораздо больше трудовая активность направляется в сферу торговли, обслуживания, традиционно заброшенную в социалистическом обществе. Как бы то ни было, повышение трудовой активности населения сегодня – одна из причин, ослабляющих социально-экономический и политический кризис.

Если общество утратит активность и надежду, тогда страна действительно начнет погружаться в трясину "третьего мира". С таким трудом накопленный социальный "строительный материал" превратится в материал горючий. Да, российская цивилизация много устойчивее, чем об этом рассуждают иные политологи, добывающие пропитание предсказаниями конца света в отдельно взятой стране. Но запас прочности тоже имеет предел... А сейчас выбор между бюрократическим рынком (стагнацией) и свободным рынком (развитием общества и экономики) означает по сути дела выбор для России – сохра-

нится ли ее высокая цивилизация, или страна опустится в "третий мир"[1].

---

[1] Приведу, не комментируя, следующее описание социально-экономического строя. Читатель сам может сравнить его с нашей историей и действительностью. "...Правительства редко оставляли земледельцам что-либо сверх их насущных потребностей, а часто отнимали у них даже все без остатка, вследствие чего оказывались вынужденными, забрав у землепашца весь его урожай, вернуть ему часть в долг, чтобы обеспечить его семенами и дать ему возможность просуществовать до следующего урожая. При таком способе управления, хотя основная масса населения плохо обеспечена, правительство... оказывается в состоянии... блистать богатством совершенно несоразмерно с общим положением страны. ...Значительная часть богатства распределяется среди различных чиновников правительства, раздается фаворитам... Некоторая его часть время от времени направляется на сооружение общественно полезных объектов.

...Однако опасности, угрожающие всякому имуществу в таком обществе, побуждают даже самых богатых покупателей отдавать предпочтение предметам, не подверженным порче, имеющим большую ценность при малом объеме, которые поэтому легко прятать или унести с собой. Вот почему золото и драгоценности составляют большую часть богатства этих народов и многие богатые азиаты почти все свое состояние надевают на себя или на женщин из своего гарема. За исключением монарха, никто здесь и не думает о таких формах помещения богатства, которые исключают возможность его унести или увезти с собой.

...Этот тип общества, однако, имеет и свой класс торговцев, подразделяющийся на два слоя: одни торгуют зерном, другие - деньгами. Торговцы зерном обычно покупают его не у производителей, а у правительствен-

ГЛАВА V

ных чиновников ... Торговцы деньгами ссужают несчастных земледельцев, разоренных недородом или казенными поборами, средствами к существованию и для обработки земли, а затем из следующего урожая возвращают свою ссуду с огромными процентами. В более широких масштабах они предоставляют займы правительству или чиновникам, которым правительство выделило часть доходов ... коммерческие операции этих двух разновидностей торговцев распространяются главным образом на ту часть продукта страны, которая образует доход правительства. Из этого дохода их вложенный капитал периодически возмещается с прибылью, и он же почти всегда служит источником, из которого торговцы черпают свой первоначальный капитал. Таковы в общих чертах экономические условия, существовавшие в странах Азии еще с доисторических времен и сохраняющиеся поныне всюду, где они не нарушены в результате внешних воздействий".

(Д.С.Милль. Основы политической экономии, 1848 г.)

Глава VI

Выбор

> Мы знаем, что ныне лежит на весах
> И что совершается ныне.
> Час мужества пробил на наших часах,
> И мужество нас не покинет.
>
> *А.Ахматова*

1

Что выбор перед нашей страной стоит именно такой – с этим сегодня согласны все. Может быть, громче всех, с каким-то садомазохистским наслаждением об этом кричат наши противники. Весь вопрос только в одном: какую стратегию выбрать нашей стране, чтобы не оказаться в "третьем мире", в зоне вечной застойной бедности, чтобы прекратилось наконец "русское экономическое чудо" – чудо богатейшей по природным и трудовым ресурсам, но почему-то нищей страны? Какую стратегию выбрать, чтобы страна развивалась как нормальная страна "первого мира"?

Вечная русская проблема. "Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут".

И вечный рецепт решения проблемы: "Требуется наличие такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа.

Требуется наличие партии, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия... в одну точку... не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную... политику".

Сталин говорил это в 1931 году. Петр мог бы сказать на 230 лет раньше. Наши государственники-патриоты (с поправками на терминологию) говорят то же самое сегодня.

Неужели действительно единственный урок истории в том, что никто не извлекает уроков?

Трагический опыт "больших скачков" русской истории и неизбежного затем, каждый раз совершающегося с математической точностью и неотвратимостью большого обвала, падения, нового отставания "от передовых стран" "на 50–100 лет" ничему не учит?

Абсурдна сама идея мускульным усилием государства "догнать и перегнать" саморазвивающееся общество. Уйти от "третьего мира", догнать страны европейской цивилизации, усиливая в своей стране структуры "восточного" типа государства, развивая "восточный способ производства"!

Да не по технике, не по экономической мощи, а прежде всего по социально-экономической структуре мы отстали от передовых стран. И вот этот разрыв, это расстояние мы должны, обязаны преодолеть, стать страной, экономика которой подчиняется законам не мобилизации, а постоянно суммирующихся инноваций. Для преодоления этого разрыва нужна политическая

воля – воля развивать страну, качественно изменив в ней функции государства.

Я не буду здесь подробно повторять то, что часто уже говорилось, – об "особом пути" и непреодоленной евразийской, западно-восточной дихотомии, которая раскалывает наше политическое, государственное сознание. Все эти, казалось бы, абстрактно-салонные темы для обсуждения оборачиваются вполне конкретной реальностью политических решений и приоритетов.

Какова цель российской политики, кроме, разумеется, блага народа, которым даже Сталин обосновывал свои действия? Восстановление военной сверхдержавы? Или отказ от имперских амбиций и раскрепощение общества ради свободного экономического и культурно-социального развития?

Соединить же первое со вторым невозможно и технически (не хватает ресурсов), и принципиально, потому что речь идет о разных линиях развития страны, о разных структурах общества и государства, о разных идеалах и идеологиях. Когда большевики ради "свободного труда свободно собравшихся людей" вздумали всемерно усилить государство, они получили свободный труд в ГУЛАГе.

Имперские идеалы и вправду величественны:

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

....
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта ?

2

Именно такими чеканными фразами всегда отвечали "государственники" на вопросы об их конечных целях. Священные, не подлежащие критическому и рациональному обсуждению мраморные и бронзовые имперские цели-символы.

Как уже говорилось, эта идеология, превратившаяся в государственную религию, оказалась более чем устойчива к любым социальным потрясениям. Самая поразительная метаморфоза, конечно, большевистская. Радикальнейшая в истории человечества революция ничуть не поколебала "медного всадника" русской истории. Имперски-государственнические идеалы вышли из огня революции только преображенными и усиленными.

В 1920 году эту сущность социалистической революции точно сформулировал монархист В.В.Шульгин. Обобщая опыт революции и гражданской войны, он писал: "Резюме. Против воли моей, против воли твоей большевики:

1) восстанавливают военное могущество России;

2) восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов;

3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского".

И сегодня эти слова как нельзя более актуальны. Сегодня все более многочисленные государственники (а кто же из ныне действующих политиков не спешит объявить себя таковым?) торжественно объявляют в качестве своих приоритетных целей две первые, заявленные писателем (сейчас это звучит как "укрепление" или "сохранение" военно-промышленной мощи и "воссоздание" в той или иной форме Союза ССР). И, как опять же верно замечает В.В. Шульгин, если все силы государства сфокусированы на решение этих двух задач, сама собой осуществится и третья.

Произойдет ли еще одна метаморфоза? Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция? Действительно ли русская история запрограммирована на эквифинальность – движение из любой точки, после любых пируэтов, завершается все там же — у подножия трона, все тем же – политико-экономической диктатурой "восточного" государства? Обречены ли все попытки либералов, демократов сместить главный вектор истории?

Конечно, я глубоко убежден, что это не так, иначе незачем было бы и заниматься политикой, пытаться растопить "вечный полюс" оледенелой государственности, в которую вмерзло живое тело страны! Вместе с тем надо трезво видеть и опасность такого развития событий. И главное,

понимать, что реальное развитие событий на самом деле зависит сегодня от наших усилий.

3

Несомненно, сегодня симптомы нового "ледникового" периода налицо. Многие из тех, кто в 1989–1991 годах из конформистских побуждений клялись в верности гражданскому обществу, демократическим идеалам, сегодня столь же горячо клянутся в верности государству, стали заядлыми "государственниками". Вчера они произносили "государство" с обязательным прилагательным "правовое", сегодня соревнуются, кто выговорит "государство" с более звонкой медью в голосе.

Само по себе это не страшно, но симптоматично. Государственная религия в виде спиритуалистического "государственничества" вновь активно насаждается в нашей стране. Мы не можем не видеть незаметное, "молекулярное" перерождение власти, собственно, ее возвращение на "нормальные", исторически привычные круги свои.

Вопрос тем более сложен, что здесь ведь содержится и небескорыстная "игра слов", подмена понятий. В самом деле, разве может быть ответственным политик, который против построения сильного, эффективно действующего государства? И разве есть сегодня у кого-нибудь сомнения, что наше государство крайне неэффективно, его надо укреплять?

И то и другое бесспорно для нас. Мы за повышение эффективности государства. В этом

смысле мы государственники. И именно поэтому мы категорические противники тех "государственников", о которых говорилось выше. В этом вопросе надо объясниться четко, исключая возможность неверных интерпретаций.

Весь вопрос в целях и приоритетах государства, в том, что, собственно, понимать под словом "государство".

Если приоритет – модернизация страны, расчистка социально-экономического пространства для развития современного общества, то перечень обязанностей государства достаточно четок и локален.

Государство должно, преодолев градации этатизма, обеспечить неприкосновенность частной собственности, произвести разделение собственности и власти и перестать быть доминирующим собственником, субъектом экономических отношений в стране. Государство должно вести активную политику в области борьбы с инфляцией и стимулирования частных (в том числе иностранных) инвестиций, энергично проводить антимонопольную политику.

Государство должно брать на себя заботы об экологии, образовании, здравоохранении, развитии науки, культуры, о бедных, нетрудоспособных.

Важнейшая задача государства сегодня – борьба с уличной преступностью, запугавшей людей, и с мафией, которая во многом определяет экономические процессы в стране, выкручивает невидимую руку рынка.

Государство должно ограничить и свой "рэкет", свои аппетиты по части налогов. Это вполне достижимо, если не государство становится основным инвестором в экономику.

Наконец, необходима разумная военная политика: конверсия главного оплота госсобственности — ВПК и сокращение армии до размера реальных потребностей страны, а не генералов.

Это один государственнический подход. Эффективное и недорогое государство по возможностям страны, нужное, чтобы обеспечить динамичное развитие общества на пороге XXI века.

Такой подход предполагает соответствующую идеологию: секуляризация государства, отказ от "государственничества" как своего рода религии, чисто рациональное, "западное" отношение к государству.

Если приоритет – "восстановление военного могущества", "сохранение любой ценой имиджа сверхдержавы", "восстановление естественных границ", "расширение территорий до пределов СССР", это принципиально другой подход.

Очевидно, что его нельзя обосновать рационально. Едва ли, скажем, можно всерьез объяснить, что мы, страна, народ, задыхаемся без "жизненного пространства" или что у нас как раз дефицит вооружений и т.д.

Следовательно, здесь априори предполагается иррациональное, спиритуалистическое отношение к сакральному государству, восстановление в правах "государственничества" как особой

государственной религии. Все это невозможно без официальной ксенофобии, без активного формирования "образа врага" – внешнего и внутреннего.

Далее, эта политическая линия, очевидно, предполагает (а идеология вполне оправдывает) резкое свертывание политических, экономических, гражданских прав общества и расширение власти и доходов государства, новую мобилизацию ресурсов общества ради решения имперских проблем. Убежден, что такой курс – прямая дорога к национальной катастрофе, к краху истощенной страны вместе с возвышающимся над ней государством. Что удалось в 1920–1930-е годы, то не пройдет в канун XXI века. Расширение территорий – это обмен пространства на время: за счет регресса во времени, возвращения к архаичным формам управления (едва ли не феодально-самодержавным) расширить физические границы державы. Это верный путь к гибели страны.

То же относится и к собственно экономической сфере. Реализация подобных имперских проектов означает резкое усиление ВПК (за счет чего, каких ресурсов?), всего государственно-управляемого сектора экономики, ядром которого и является ВПК.

Очевидно, что и это с точки зрения экономической эффективности путь в никуда, в пропасть. Неужели этого не видят государственники, на практике оборачивающиеся злейшими врагами государства и страны?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо от высоких целей, от государственной мраморной поэзии и стальной романтики, от громких слов и клятв перейти к государственной прозе и реализму, к делам наших новейших государственников. И здесь нас ждут любопытные открытия.

4

Как-то очень быстро "всадник бронзовый, летящий" превращается в монументального городничего, а лозунг "Государство превыше всего" трансформируется в мысль "государство – это я".

Да, сегодня пришла пора не государственных идеалов, а интересов, только интересов не государства, а вечно голодных государственников.

Государство как частная собственность бюрократии. Как я пытался показать, эта Марксова формула всегда и везде достаточно точно описывала ситуацию. Но сегодня в нашей стране, в эпоху первоначального накопления, когда с великим трудом удалось повернуть стрелку на несколько градусов от номенклатурной к демократически-рыночной приватизации, сегодня идеалы наших государственников совсем уж прозрачны. Нет, не социализм, не империя, не военная мощь их волнуют, это все слова. А на деле им нужно упрочение такой прозаической вещи, как бюрократический рынок, сохранение лжегосударственной экономики, где их фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных.

От того, что уже захвачено в ходе номенкла-

турной приватизации, никто, естественно, отказываться не намерен. Система монопольной госсобственности разрушена, и отнюдь не в интересах бюрократии ее восстанавливать. Не национализировать же назад то, что наконец-то стало "своим", не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распихать по карманам.

Но не существует и системы достаточно развитой частной еобственности, и отнюдь не в интересах сегодняшней российской бюрократии помогать становлению полноценной системы частной собственности, отделенной от государства.

Вот Сцилла и Харибда, между которыми под самыми высокими стягами и под гром всех оркестров тащат броненосец новейшей российской государственности, рискуя посадить его на мель. Цель бюрократии — сохранить и законсервировать нынешнюю "полуразвороченную" систему отношений собственности в России. Неопределенность этих отношений помогает номенклатуре не нести ответственности за "ничью" собственность и распоряжаться ею, пользоваться доходами с нее, как со своей личной, частной собственности. Вот это и есть настоящий паразитический империализм для высшего бюрократического сословия. Ради защиты, укрепления, увековечения этой ситуации им и нужно сильное государство — государство, укладывающееся в вечную российскую формулу: "государство жиреет – народ худеет".

Логика такого политического поведения пре-

дельно проста. В 1989–1991 годах та же бюрократическая олигархия была против усиления государства, ее представители были почти демократами. Почему? Потому что нужно было тогда ослабить скрепы, чтобы иметь возможность спокойно “приватизировать” свою власть, прибавить к ней собственность. Сегодня, когда этот цикл завершен, нужно удержать захваченное, сегодня опять понадобилось сильное государство, государственничество опять в цене.

Такие интересы определяют и реальные идеалы новейшей государственности. Отныне платят и заказывают музыку бюрократы особого пошиба – предельно циничные и хищные. Дело совсем не в личных особенностях, дело в объективной социальной ситуации.

Коррупция – старый, можно сказать, вечный бич России. Еще Н.В.Гоголь писал: “Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными... пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность”. Гоголь ясно объясняет, почему административно-бюрократический путь борьбы с коррупцией малоэффективен: “И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в

силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников".

Но Гоголь преувеличивал опасность – земля хоть и гибла, но, славу богу, не погибла. Несмотря на коррупцию, Россия развивалась. Однако сейчас ситуация качественно изменилась по сравнению с временами Гоголя: коррупция сращена с мафией, которой, конечно, тогда не было! Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории, пожалуй, не было. Это было бы действительно нечто вполне апокалиптическое: всемогущее мафиозное государство, подлинный спрут. Не забудем, что чиновник всегда потенциально более криминогенен, чем бизнесмен. Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно. Так что бюрократический аппарат несет в себе куда больший заряд мафиозности, чем бизнес. А каркас бюрократической (в том числе карательной) системы легко может стать каркасом системы мафиозной, весь вопрос только в целях деятельности.

Очевидно, какое государство можно выстроить, руководствуясь в реальности (не на словах, разумеется) государственническим идеалом, – коррумпированно-криминальное, полуколониальное. Общество становится колонией государства, а само грозное государство при таком режиме становится колонией мафии, отечествен-

ной и международной, легко проникающей во все поры аппарата. Россия оказывается колонией, сырьевым придатком передовых демократических стран, построенных по принципу открытого общества, колонией отдельных фирм этих стран.

Это вполне естественно, потому что "сильное" государство в привычном для нас смысле, т.е. сильное многочисленной и могущественной бюрократией, означает:

– нет равной защищенности и прав собственности для всех. Совсем наоборот: собственность зависит от места ее владельца на иерархической лестнице. Значит, для честного, энергичного человека надежда на продвижение на рынке равных возможностей растоптана. Значит, в экономике господствует монополия, а рынок стал рынком взяток, современной формой традиционного бюрократического рынка;

– для поддержки "избранных" отраслей, а на самом деле "своих" руководителей банков и предприятий, для содержания суперaппарата (в том числе вечно растущего военно-репрессивного) нет выхода, кроме печатания денег, кроме инфляции;

– сохраняется неэффективная структура "экономики пирамид" – неконкурентоспособных монополистических гигантов;

– в стране всегда будут супeрналоги, необходимые для того же государства. Такие налоги плюс "бюрократический рэкет" (взятка) – верная гарантия того, что не будет среднего и мало-

го бизнеса, этой самой динамичной части экономики, главного “инкубатора” среднего класса;

– экономика будет не открыта миру на равных для всех условиях, а фактически подчинена “фирмам друзей”.

Думаю, что многие из числа современных бюрократов достаточно циничны, отлично понимают, какое “сильное государство” они вполне сознательно намерены строить. Нет надежды на скорое возрождение военной империи, нет и настоящего желания ее возрождать. В действительности имперские идеалы девальвированы в сознании “державников” не меньше, чем в сознании демократов. Разница в том, что если у демократов на смену этим идеалам пришли другие, общие политические идеи, то у большинства российских империалистов общих политических идей просто нет. Двуглавый орел используется как ширма, за которой скрыт “золотой теленок” – подлинный идеал этих имперских дельцов. Тут уж жиреть будет не государство, а только лжегосударственники, жрецы государства, жиреть от имени, во имя и за счет государства.

Сегодня у государственников нет ни большой идеи, ни четкой стратегии государственной политики (в том числе в области экономики). Отсутствие реальной цели, внутреннее неверие в ими самими с пафосом провозглашаемые цели жестоко мстят за себя. Если цель одна — сохранить неопределенное статус-кво, заставить страну и дальше качаться между государственной и

частной собственностью, то для исполнения и такой цели подходят лишь серые "декаденты государственничества".

Отчасти сегодняшняя ситуация напоминает (хотя и в улучшенном варианте) конец 1991 года. Тогда правящая бюрократия (государственники "по должности") также не стремилась к решительным шагам вперед, келейно-номенклатурная лжеприватизация их вполне устраивала. Политическую, государственную волю тогда, как известно, проявили именно радикал-демократы ("антигосударственники", на политическом слэнге наших оппонентов).

Так и сейчас. "Официальные государственники" вполне довольны стоянием на месте; сильную программу государственной политики в социально-экономической области могут предложить как раз те, кто видит стратегические задачи, стоящие перед государством, т.е. либералы, демократы.

Социальное государство или свободный капитализм... Тема для академического спора! Ни фон Хайек, ни лорд Кейнс не создавали свои теории применительно к номенклатурно-"азиатскому", находящемуся под мощным криминальным воздействием государству. Сменим систему, построим хотя бы основы западного общества – вот тогда и станут актуальны эти проблемы.

Крушение бюрократической империи под воздействием разъедающей коррозии имущественных интересов бюрократической олигархии, приватизация власти – закономерный финал

любой “восточной” империи. Он означает конец определенного витка, цикла в ее развитии. Надо сделать все, чтобы большевистский цикл стал действительно последним в истории Российской империи. Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой “западного” типа.

В этом веке русское общество описало огромный и трагический круг, “красное колесо”: почти нормальная рыночная экономика (с начала века до 1914 г.) – милитаризированная государственно-капиталистическая экономика с рынком и доминирующей частной собственностью (1914–1917 гг.) – военный коммунизм (1918–1921 гг.) – государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами рынка и частной собственности (1921–1929 гг.) – тоталитарная экономика, элиминировавшая рынок и частную собственность (1929–1953 гг.).

Так совершилось восхождение на пик коммунизма. Затем началась вторая половина века, спуск с этих страшных вершин. Дорога была почти симметричной: государственно-монополистическая экономика (империализм) с элементами полускрытого рынка и теневой частной собственности (1953–1985 гг.) – государственно-капиталистическая экономика сперва в форме “лжегосударственной” с постепенным переходом к открытой частной собственности и легитимизации бюрократического рынка (1985–1991 гг.)...

С 1992 г. начался переход к "нормальному" рынку, легитимной частной собственности.

Но в центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории. Государство страшно исказило новейшую историю. Опыт показал: государство самоедское разрушает общество, подминая его под себя, разрушаясь в конечном счете и само.

Удастся ли нам наконец сойти с этой тупиковой орбиты?

Решение этого вопроса зависит от того, что будет с государством Российским.

5

Мы вступаем в XXI век. Западное общество отнюдь не является идеальным. Оно эгоистично поглощено своими тяжелыми проблемами. Здесь и отношения по оси "Север-Юг", и перенаселение, которое впервые со времен Мальтуса становится грозной реальностью, и экологический кризис. Одно из бедствий капитализма – темпы его неостановимого роста: он может быть стабильным, лишь когда бурно развивается, когда возникают и удовлетворяются все новые потребности людей.

Западный мир – не враг наш и не филантроп. Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесется к крушению высокой российской цивилизации.

Между тем проблемы эти многообразны.

Нам надо одновременно решать проблемы XIX века – формирование правового государст-

ва; начала XX века – искоренение остатков социального и промышленного феодализма, резкая демонополизация экономики, борьба с фашизмом, другими крайними формами саморазрушительного национализма конца XX века и наступающего XXI века, о которых сказано выше.

Есть у нас уникальные проблемы, которых, пожалуй, не было у других стран, как не было нигде такого мощного тоталитаризма. К таким проблемам относится формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности.

И весь этот набор проблем придется решать одновременно. Последовательно это делать просто не удастся – мир нас ждать не будет, поблажки нам история не даст. Эти проблемы взаимосвязаны. Прочерчивается вертикаль: от источника инвестиций (частный или государственный) до общей социально-политической стратегии и идеологии.

Очередная бюрократическая приватизация власти или наконец размыкание замкнутого контура, разделение власти и собственности.

Секуляризация государства, отделение государства от псевдорелигии, "государственничества", или новое обожествление государства.

Такова глобально-историческая альтернатива России, такова и наша сегодняшняя политическая альтернатива.

Если страна войдет в очередной цикл приватизации власти, то закроет себе наглухо путь в

“первый мир”. Если удастся “расшить” социально-экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет все шансы занять достойное место в цивилизации XXI века.

Для одних государственный подход – это сохранение тех или иных бюрократических институтов, их власти и богатства, для других – сохранение страны, сохранение самого Российского государства. Чтобы сохранить государство, мы обязаны его радикально преобразовать, собрать всю свою политическую волю для решения этой задачи.

Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда была одна – корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией.

Я уже писал, что считаю себя и своих единомышленников русскими государственниками и патриотами. Считаю так по простейшей причине – главной нашей задачей вижу решение стратегических проблем государства, доведение до конца рыночных реформ и построение устойчивого, динамичного, богатеющего общества западного типа в нашей стране.

Когда я пишу: “западное общество”, речь меньше всего идет о безумной идее унификации культур. Но есть один принцип, который мне

представляется общечеловеческим и вполне подходящим для России, хотя и был он сформулирован Т. Джефферсоном: “Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, среди которых имеется право на жизнь, свободу и на стремление к счастью”.

Август–сентябрь 1994 года. Москва.

Список литературы

1. *Амальрик А.А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?//Погружение в трясину. М., 1991.

2. *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление. М., 1991.

3. *Ахматова А.А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1977.

4. *Бердяев Н.А.* Душа России//Русская идея. М., 1992.

5. *Бернштейн Э.* Проблемы социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1891.

6. Бизнесмены России. М., 1994.

7. *Блок А.А.* Скифы. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1960.

8. *Бродель Ф.* Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М., 1988.

9. *Булгаков М.А.* Избранное. М., 1983.

10. *Васильев Л.С.* История Востока. М., 1994.

11. *Волошин М.А.* Средоточие всех путей. М., 1989.

12. *Гайдар Е.Т.* Россия и реформы//Известия. № 187; 19 августа 1992.

13. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Лондон, 1989.

14. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений. Т. 5. М., 1960.

15. Государственный совет. Стенографический отчет 1909 - 1910 гг.

16. *Гумилев Н.С.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1991.

17. Декларация независимости//Американские федералисты. Benson, Kermont. 1990.

18. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег//Антология экономической классики. М., 1993.

19. *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР//Антология экономической классики. Т. 2. М., 1993.

20. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 23, 26, 30, 32, 34.

21. *Леонтович В.* История либерализма в России. Париж, 1980.

22. *Леонтьев К.Н.* Письма к А.Губастову// Русское обозрение. 1897. № 5.

23. *Ляшенко П.И.* История русского народного хозяйства. М., 1930.

24. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 1, 4, 25.

25. *Мизес Л.Ф.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.

26. *Милль Дж.С.* Основы политической экономии. М., 1980.

27. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904.

28. *Монтескье Ш.Л.* Дух законов//Избранные произведения. М., 1955.

29. *Найшуль В.* Высшая и последняя стадии социализма//Погружение в трясину. М., 1991.

30. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Нью-Йорк, 1954.

31. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.

32. *Пильняк Б.А.* Избранные произведения. М., 1976.

33. *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. 15. М.; Л., 1926.

34. *Прокопович С.Н.* Опыт исчисления народного дохода по 50 губ. Европейской России. М., 1918.

35. *Пушкин А.С.* Избранныепроизведения.Т. 1. М., 1968.

36. *Солженицын А.И.* Из-под глыб. М., 1990.

37. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1947.

38. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.

39. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. М., 1990; Преданная революция. М., 1991.

40. *Тютчев Ф.И.* Лирика. Т. 2. М., 1965.

41. *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. Харбин, 1927.

42. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1958.

43. *Фест И.К.* Адольф Гитлер. Т. 3. Пермь, 1993.

44. *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950.

45. *Чапек К.* Война с саламандрами. М., 1976.

46. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

47. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. М., 1941.

48. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989.

Оглавление

Егор Тимурович Гайдар
ГОСУДАРСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ

РЕДАКТОР
Е.Вьюнник

ХУДОЖНИК
С.Стулов

КОРРЕКТОРЫ
Г.Заславская, Ф.Морозова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРУППА
А.Бернштейн, Л.Пинигина

Издательство «Евразия»
Москва, Тверская, 20
Тел./факс 209-56-72

Отпечатано в АО «Типография «Новости»
Заказ № 61. Тираж 25000 экз.
107005 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Егор Тимурович Гайдар родился в 1956 году. Председатель партии "Демократический выбор России", Депутат Государственной Думы, лидер фракции "Выбор России".

Окончил экономический факультет Московского университета. Доктор экономических наук.

С ноября 1991 года — Вице-премьер правительства России. Возглавлял Российское правительство в переломном 1992 году, когда в стране под его руководством начались кардинальные экономические реформы.

В декабре 1992 года Гайдар покинул правительство в рамках компромисса между Президентом и Верховным Советом.

Имя Егора Гайдара неразрывно связано с курсом на последовательное и глубокое демократическое преобразование страны, с честной и бескомпромиссной гражданской позицией.

Книга "Государство и эволюция" — плод раздумий Егора Гайдара об исторической судьбе России и ее будущем.

Егор Гайдар